

ТОРИ МАЙРОН
В РИТМЕ
сердца

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тори Майрон

В ритме сердца

Серия «Бессердечные», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63662231

SelfPub; 2025

Аннотация

Я – ходячая катастрофа, а моя жизнь – полнейший хаос.

Я живу в самом неблагоприятном и преступном районе города. Днём выгляжу как невзрачная пацанка, чтобы не привлекать внимание местных бандитов. А по ночам превращаюсь в танцующую куклу для богатых мужчин, чтобы заработать денег и справиться с семейными долгами. Но, благодаря стараниям моего мерзкого отчима, это сделать невозможно.

Так, одним злосчастливым вечером, будучи в полном отчаянии, я попросила у вселенной чуда для решения всех своих проблем. Но, видимо, нужно было яснее излагать свои желания, ведь вместо чуда я столкнулась с ним. Мужчиной – необычным, манящим, лишаящим здравого смысла и до дрожи пугающим. Я стала его одержимостью, а он – моим проклятьем. И боюсь, мне ничто не поможет ни сбежать от него, ни спрятаться.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	6
Глава 2	26
Глава 3	35
Глава 4	45
Глава 5	61
Глава 6	83
Глава 7	95
Глава 8	110
Глава 9	126
Глава 10	141
Глава 11	149
Глава 12	163
Глава 13	184
Конец ознакомительного фрагмента.	185

Тори Майрон

В ритме сердца

Первая книга серии «Бессердечные»

Часть 1

«Если мы во что-то не верим, это не значит, что этого нет».

Глава 1

Николина

Я уверена, каждый в жизни хоть раз просыпался с ощущением, словно по тебе проехал трактор. Так вот это «прекрасное» состояние является моим постоянным началом дня. Лишь благодаря звону мобильного мне удастся заставить себя потянуться до тумбочки, чтобы отключить назойливую мелодию.

– Николь, ты где?!

Мои глаза закрыты, а мозг до сих пор отказывается запускать необходимые мыслительные процессы. Мне не удастся ни найти ответа на вопрос, ни сообразить, кому принадлежит женский голос на другом конце провода.

– Алло! Николь! Ты меня слышишь?

Даю себе еще несколько секунд, чтобы собраться с силами, и наконец раскрываю свинцовые веки. С трудом приподнимаюсь на локтях и напрягаю зрение, чтобы осмотреться.

– Слышу. Я дома, – выдавливаю хриплым голосом.

Дома. В своей кровати. Нахожусь в том же положении, в какое рухнула от усталости с утра после возвращения с работы.

– Почему ты все еще дома? Ты что, спишь? – голос девушки от недовольства повышается на несколько тонов, и лишь тогда мне удается осознать, с кем я разговариваю.

– Да, Эмилия, ты меня разбудила. В чем дело?

– В чем дело, Николь?! Вечер на дворе, а ты спишь! Ты что, забыла про... бой? – последнее слово она проговаривает шепотом. У меня еле получается расслышать. – Ты же обещала.

Бой? Обещала?

Черт! Точно.

– Ты не представляешь, каких трудов мне стоило убедить родителей отпустить меня на ночь глядя! Я давно готова и звоню тебе уже в сотый раз, а ты, оказывается, там мирно спишь! Ты серьезно?!

Под звук ее криков встаю на ноги, включаю свет и тут же натываюсь на зеркало напротив. В принципе, даже не удивляюсь. Отражение полностью соответствует моему самочувствию. Лохматые, запутанные волосы связаны в подобие высокого хвоста, лицо серое и припухшее, в глазах полопались капилляры, а штаны с помятой майкой неприятно прилипают к телу, источая едкий запах из смеси сигарет и пота.

Чувствую себя, мягко говоря, дерьмово, а тут еще разозленная подруга масло в огонь подливает нескончаемым потоком слов.

– Замолчи и успокойся, Эми! – останавливаю ее панику, глядя на часы. Полдевятого вечера. Мы еще спокойно успе-

ваем к началу. – Так! Дай мне полчаса. Я буду готова.

– С тобой все в порядке? – после недолгой паузы обеспокоенно спрашивает Эмилия.

– Да, все хорошо. Мне просто нужно прийти в себя.

– Опять работала всю ночь?

– Да, Эми, – сухо отвечаю, не собираясь в сотый раз объяснять, почему мне приходится заниматься тем, что для благовоспитанной Эмилии Харрисон кажется развратным.

– Я не осуждаю, Ники, просто волнуюсь за тебя.

Вместо ответа тяжело вздыхаю. Я сама волнуюсь, насколько долго меня еще хватит жить и работать в том темпе, в каком нахожусь последний год.

– Значит, полчаса? – неуверенно мямлит Эмилия.

– Да!

Слышу радостный, облегченный визг в ответ:

– Спасибо, Николь! Я так рада! Буду ждать тебя у твоего дома!

– Адрес помнишь?

– Да, ты мне присылала.

– Не боишься? – задаю резонный вопрос. Эми не до конца понимает, что именно ей сегодня предстоит увидеть.

– Я приеду на такси и подожду тебя в машине. Выходить не буду.

– И оденься максимально просто. Нельзя, чтобы ты выделялась из толпы.

– Я закупила в масс-маркете, так что проще некуда, –

недовольно отвечает любительница брендовых вещей и дорогих аксессуаров.

– И еще не бери ничего ценного, а деньги прячь во внутренние карманы.

– Да, я все знаю. Ты уже говорила.

Я знаю, что надоела ей, но мне необходимо убедиться, что она не явится в один из самых неблагоприятных районов города в безукоризненном, дорогом наряде с внушительной суммой денег, тем самым став лакомой целью для местных карманников.

– Ладно, выезжай, а я быстро в душ.

Не дождавшись ответа, я сбрасываю звонок и выхожу из комнаты. Каждый шаг по дороге в ванную отдается болезненными ощущениями, но после горячего душа становится значительно легче. Ошпаривающий поток воды помогает не только смыть остатки сна и вчерашнюю грязь с тела, но и расслабляет мышцы, забитые после очередной танцевальной ночи.

Хотела бы сказать, что я балерина, артистка знаменитого мюзикла или профессиональная танцовщица, разъезжающая по миру с гастрольями, но все это лишь детские мечты, которым не суждено сбыться.

Я – стриптизерша в элитном ночном клубе. Да, я зарабатываю на жизнь тем, что танцую, раздеваясь перед горсткой богатеньких мужчин, но тем не менее прошу не путать меня с представительницами другой, более древней профессии. Я

четко разметила допустимые границы, которые никогда ни за какие деньги не перейду.

Многие скажут – это не самая лучшая работа для молодой девушки, и, само собой, я соглашусь. Но уверяю, оголять тело и разводить мужчин на деньги менее постыдно, чем воровать в магазинах или обкрадывать случайных прохожих. А мне, девчонке из бедной неполноценной семьи, не раз приходилось прибегать к подобному способу добывания денег, чтобы суметь свести концы с концами, не остаться без крыши над головой и не упасть в голодный обморок.

Как только смываю последние остатки пены, выбираюсь из душа и наспех обматываюсь полотенцем. На дворе конец марта, но природа до сих пор упрямо не желает отпускать зимние морозы. Дома холодно и сыро. Особенно после недели отключенного за неуплату отопления.

Сушу волосы, одновременно согреваясь горячим напором воздуха, и торопливо натягиваю теплую одежду. Повторно рассматриваю свое отражение и еще раз убеждаюсь, что от эффектной ночной соблазнительницы нет и следа. Видок как у невзрачной пацанки, но мне вполне комфортно быть незаметной, ничем не выделяющейся. Обычной. Зачастую это помогает избежать ненужных проблем и опасных ситуаций, которых в моей жизни было достаточно.

Мне не удастся выйти из дома, не увидев обычную картину своей семьи. Мама с отчимом сидят друг напротив друга за столом, заставленным бутылками алкоголя, консервной

банкой с окурками и тарелками с обветренной едой.

Подлетаю к окну и открываю его нараспашку, чтобы впустить в квартиру резкий порыв холодного ветра. Даже сквозь плотный спортивный костюм моя кожа покрывается мурашками, но лучше замерзнуть, чем задохнуться от тошнотворного смрада.

– Какого хрена ты делаешь?! А ну быстро закрыла! Холодно же! – возражает Филипп, но я никак не реагирую на его пьяный выпад и открываю еще одно окно.

Для меня он никто. Ничтожество. Жалкое, вредное насекомое, которое я не могу истребить из нашего дома уже который год. Я даже смотреть на него без раздражения не могу, поэтому стараюсь сводить наше общение к минимуму.

Мое сердце привычно сжимается, когда обращаю взгляд на единственного человека, ради которого я терплю непутевого отчима, раз за разом набираю дополнительные смены в клубе, чтобы справиться с долгами, и все еще не покидаю родной город, отказываясь от своей мечты и желаний.

– Мама...

Я подхожу к ней ближе, дотрагиваясь до плеча. Не сразу, но она приподнимает голову и смотрит на меня стеклянными, синими глазами, словно не узнавая, кто перед ней стоит.

Маме нет и сорока, но ее пагубное пристрастие к алкоголю добавляет к возрасту по меньшей мере пятнадцать лишних лет. Мне давно не хочется плакать, всматриваясь в неопрятный, болезненный и жалкий вид женщины, которую, несмот-

ря ни на что, люблю и всегда буду любить больше всех на свете. Слез уже нет. Все резервы выплаканы еще много лет назад. Остался только гнев и сожаление. И первое значительно преобладает.

Каждая капля крови в теле вскипает от ярости, когда я смотрю на то, во что превратилась моя некогда красивая, нежная и любящая мама. Много лет назад она была совсем другой, и я изо всех сил пытаюсь не забыть отрывки счастливой жизни нашей семьи, когда папа еще был с нами. Однако с каждым годом мне все больше начинает казаться, будто первые семь лет моей жизни мне всего лишь приснились.

Моему детству мог бы позавидовать каждый ребенок, но все изменилось в один день. Всего один миг, одна чужая непростительная ошибка, протяжный скрежет тормозящих колес об асфальт, резкий удар и тело папы, лежащее в жуткой неестественной позе, и все в моей жизни изменилось.

Разрываясь криком и слезами, мама закрыла мое лицо, но мне хватило всего секунды, чтобы потом, на протяжении долгих лет, неоднократно видеть в кошмарах картину смерти отца. Подобное не забывается, как бы ни хотелось. С этим мне придется жить и справляться до конца своих дней.

Мне было семь, когда пьяный водитель забрал жизнь папы, но тогда я даже не подозревала, что эта трагедия заберет у меня не одного, а сразу двоих самых близких и дорогих мне людей. Папу положили в гроб и закопали под землю, а мама превратилась в живого мертвеца.

Первые дни после похорон она была убита горем настолько, что практически не двигалась. Она могла целый день провести в кровати или сидеть в кресле отца, тупо глядя перед собой в одну точку. Лишь потоки слез по ее бледным щекам давали понять, что она еще жива.

Не могу сказать точно, как долго мама пробыла в таком коматозном состоянии. Первые недели прошли, словно в беспросветной мгле, но, к счастью, со временем она понемногу начала приходить в норму. По крайней мере, я так думала.

Через несколько месяцев мама продала наш дом. Мы переехали в один из самых неблагоприятных районов Рокфорда, а вместо дома меня ожидала квартира площадью втрое меньше.

Мама перевела меня в другую школу и забрала из хореографической студии, сообщив, что нам необходимо по максимуму урезать расходы. В любой другой ситуации для меня это показалось бы концом света, ведь танцы были всем, чем я грезила, стоило лишь научиться ходить. Но без папы во мне погасло и желание танцевать.

После обоснования на новом месте мама устроилась в ресторан официанткой, а еще безукоризненно выполняла все стандартные задания прилежной домохозяйки и материнские обязанности, только все движения ее были словно на автопилоте. Пустые и бездушные. Юна Джеймс больше не была похожа на ту светящуюся, вечно порхающую по дому

маму. Вместе со смертью папы она потухла, потеряв интерес ко всему окружающему миру. В том числе и ко мне.

Я ужасно тосковала по папе и расстраивалась из-за маминей отрешенности, но никогда не разрешала себе плакать в школе или в присутствии мамы, чтобы лишней раз не огорчать ее. Однако каждый раз после учебы стоило мне забежать в наш подъезд, как я поднималась на этаж чердака, где никто никогда не ходил, и позволяла накопившейся лавине слез прорваться.

Не было громких, душераздирающих рыданий на всю лестничную площадку дома. Я плакала почти беззвучно, задыхаясь и захлебываясь потоком слез. Мне не хотелось, чтобы меня видели или слышали.

Со временем плач у чердака стал в своем роде утешительным ритуалом. Полчаса безудержных слез наполняли меня силами скрывать горечь утраты и не опускать руки в неопределенных отношениях с мамой.

И так во время очередной «спасательной» слезливой сессии я не сразу заметила присутствие постороннего рядом со мной. Только когда чья-то ладонь коснулась плеча, я испугалась настолько, что резко оторвала голову от колен и со всей дури стукнулась затылком об лицо наклонившегося ко мне человека.

– Не подходи ко мне! – увидев перед собой незнакомца, прокричала я, и трясаясь от страха, начала рыться в школьном портфеле в поисках перцового баллончика, который мама

купила мне в целях самозащиты.

– Ты что, больная? – последовал раздраженный ответ от худощавого, высокого мальчика, явно немного старше меня. Он нервно натирал пальцами подбородок, по которому пришелся мой удар, и озадаченно следил за моими действиями.

– Я сказала, не подходи ко мне! – повторила еще громче, продолжая искать несчастное оружие защиты среди нескончаемого количества школьных принадлежностей.

– Да не кричи ты. Всех соседей напугаешь, – приглушенно рявкнул он, делая шаг к лестничным перилам и поглядывая на нижние этажи.

– Отойди от меня подальше, иначе буду кричать!

Мальчик недовольно фыркнул, но отошел в другой угол этажа.

– Не собираюсь я к тебе подходить, больно ты мне сдалась. И так чуть челюсть не сломала. В следующий раз сто раз подумаю, прежде чем подойти к плачущей девчонке, – он расслабленно оперся об пыльную стену, совсем не боясь запачкаться, и сунул руки в карманы спортивных поношенных штанов. – Думал, помощь нужна, да тут, похоже, капитальный сдвиг по фазе.

Я на секунду оторвалась от безуспешного копания в портфеле.

– Чего? Какой еще сдвиг?

– Ну как какой? Крыша у тебя поехала. Не все дома. Пси-

хушка по тебе плачет. Так понятней?

Я удивленно наблюдала, как он вытаскивает сигарету, откидывает со лба отросшие пряди каштановых волос и закуривает, удовлетворенно выпуская изо рта клубы дыма.

– Я не сумасшедшая, – буркнув и не на шутку разозлившись на свою неосмотрительность, я не сдержалась и вытряхнула все содержимое сумки на пол в надежде быстрее найти чертов баллончик.

– Возможно, не сумасшедшая, но неадекватная точно. Сначала задыхаешься слезами в одиночку на чердаке, кричишь и наводишь шум без причины, потом ищешь что-то в своей бездонной сумке, а теперь вообще бардак на лестничной клетке устроила. Это кто, по-твоему, убирать будет?

– Я сама все уберу. Не мешай мне! – пробормотала я, не уловив иронию в его голосе.

– Точно дурная! Помощь не предлагаю, опасаясь за свою драгоценную жизнь, но хоть скажи, что так упорно ищешь?

Его вопрос я оставила без ответа, неимоверно радуясь, что наконец нашла тот самый злосчастный баллончик. Я резко схватила его, встала и выставила руку в сторону мальчика.

– Стой на месте, не двигайся и дай мне пройти, иначе выстрелю! – ноги все еще дрожали, но я чувствовала себя увереннее и смелее, будто в руках держала как минимум огнестрельное оружие.

Мальчик застыл на несколько секунд, даже курить пре-

кратил, а затем разразился раскатистым смехом, который звонко отдавался эхом на весь подъезд. Он так неудержимо смеялся надо мной, что из его безумно зеленых глаз даже проступили слезы.

– Прекрати ржать и делай, как я тебе сказала! – сердито проговорила я, делая шаг вперед.

– Будь добра, повтори, что ты там хочешь от меня?

– Ты что, глухой? Я сказала прекрати...

Договорить мне так и не удалось. Не поняла как, но мальчику потребовалась всего секунда, чтобы преодолеть метры, разделяющие нас, и одним незаметным движением выбить из ладони оружие защиты. Ловко скрутив руку, он развернул меня и крепко прижал спиной к своему животу, закрыв рот ладонью.

Новая волна паники окатила с головы до ног. Да так, что все волоски на теле встали дыбом. С расстояния мальчик выглядел таким тощеньким, но, оказавшись в его стальных оковах, я поняла, что сил ему не занимать. Я совершенно не могла двигаться, что пугало до смерти.

Насмотревшись на то, что творилось на улицах района, мне даже не хотелось представлять, что меня ждет. Я лишь молила, чтобы он покончил со мной быстро и безболезненно.

– Во-первых, никогда не приказывай своим противникам, если в руках не держишь как минимум нож, с которым в совершенстве умеешь обращаться, – в интонации его голоса

не осталось и следа от бывшего веселья. – Во-вторых, перцовый или любой другой баллончик лучше держать в кармане, чтобы в любую секунду могла его вытащить. Плохие дяди вряд ли будут стоять и ждать, как делал это я, пока ты роешься в сумке. В-третьих, если удалось быстро вытащить, то нападающего не нужно предупреждать об использовании баллона и уж тем более пытаться угрожать им. Все просто: достала и применила, не теряя ни секунды, а дальше беги сломя голову и зови на помощь.

Тогда мне казалось, что я слышала не предложения, а бессвязный набор слов. Лишь когда вернулась домой и протрезвела от страха, я приятно удивилась тому, что запомнила первый урок по самообороне от начала до конца.

На чердаке же я была до ужаса напугана, тело тряслось, словно в лихорадке, и, как бы я ни пыталась, но так и не смогла сдержать очередной тихий поток слез.

– Эй, ну ты чего, мелочь? – рука мальчика все еще накрывала мой рот, но хватка заметно ослабла. – Я уберу руку, если ты обещаешь больше не кричать, как резаная.

Я никак не отреагировала. Ни кивнула, ни одобрительно замычала, просто продолжала ручьем лить слезы, и в следующую секунду он освободил мой рот и развернул к себе.

Мое лицо доходило мальчику до уровня солнечного сплетения. Мне пришлось задрать голову вверх, чтобы перед печальной участью посмотреть своему палачу в глаза. И, черт возьми, я до сих пор помню, словно это было только

вчера, как меня точно стрелой насквозь прострелило и на-
мертво прибило к полу. Его нефритовый взгляд смотрел мне
точно в душу, считывая всю палитру переполняющих меня
чувств.

– Давай лучше атакуй меня своим баллоном или можешь
даже в ход пустить кулаки, я потерплю, отвечать не буду,
только прекрати лить слезы, – его голос вновь стал спокой-
ным, даже каким-то теплым и мягким, отчего впервые за
всю встречу с ним мне удалось осознать, что мальчик со-
всем не похож на местных разбойников.

– Ты меня не убьешь? – жалобно всхлинула я, внима-
тельно рассматривая его лицо.

Густые темные брови приподнялись в удивлении, а губы
расплылись в улыбке, проявляя на щеках милые ямочки.

– Зачем мне тебя убивать? Мы же вроде как соседи, –
усмехнулся мальчик, а я выдохнула с облегчением. Жить бу-
ду, и это главное. – Ты из какой квартиры? Что-то я тебя
не видел раньше.

– Мне нельзя отвечать на подобные вопросы незнаком-
цев, – я сделала большой шаг назад и позволила себе рассла-
биться.

– Так в чем проблема? Давай знакомиться. Я Остин, а
тебя как зовут, мелочь?

– Николина, – ответила и, вздернув нос, добавила: – И я
не мелочь!

– Еще какая мелочь. Да еще и плакса со странным име-

нем.

– Почему это со странным?

– Русское какое-то, – пояснил он, отходя от меня на несколько шагов, и поднял с пола выпавшую сигарету.

– Не русское, а болгарское. Моя мама родом оттуда.

– О как! А папа американец?

– Был, – выпалила я, совершенно не желая говорить об отце.

Чувствуя приближение привычного болезненного комка к горлу, я присела на корточки и начала суетливо собирать разбросанные тетрадки и учебники. Спрятав лицо за прядями волос, я не видела выражение лица Остина и даже не знала, смотрит ли он на меня.

Но он смотрел. И все понимал.

– Не забудь самое главное, – произнес он совсем рядом и протянул мне перцовый баллончик.

– Спасибо, – я собиралась забрать предмет, но Остин резко отдернул руку.

– Отдам, если пообещаешь кое-что, Никс.

Я недоуменно уставилась на него. Так меня никто никогда не называл. Словно кличка собаки.

– Когда в следующий раз решишь пореветь на славу, вместо чердака приходи в квартиру №5. Нечего такой мелочи в этой грязи сидеть и слезы лить. Только подъезд затопишь да задницу на холоде обморозишь. Так что не стесняйся и приходи в гости. Я уж точно найду, чем тебя развеселить. С

бабушкой познакомлю. Она у меня та еще юмористка, грустить точно не позволит. А какие пироги печет – пальчики оближешь! Однозначно таких ты никогда не пробовала. Да и тебе поесть как следует не помешало бы. Одна кожа да кости. Тебя ветром-то не сносит?

Я опешила, услышав подобный вопрос от мальчика, у которого руки хоть и сильные, но ненамного толще моих.

– Тебя самого-то не сносит?

Теперь брови Остина взлетели на лоб, а глаза округлились от возмущения.

– Меня?! Да как ты смеешь?! Такую грудку мышц попробуй сдвинуть с места, – согнув руку в локте, он приподнял ее и напряг несуществующие бицепсы.

Не сдержавшись, я рассмеялась в голос. Клоун.

– Ну вот, хоть улыбнулась наконец, а то все крики да слезы, – его ответная улыбка неожиданно окатила теплом. – Ну так что? Никакого больше чердака? Договорились, Никс?

– Договорились, – немного подумав, ответила я.

– Обещаешь? – Остин вновь протянул мне баллон.

– Обещаю, – искренне ответила я, а глупая улыбка больше не хотела сползать с моих губ.

Именно так, в один из самых мрачных и тяжелых периодов, я встретила человека, без которого сейчас не представляю своей жизни. Остин стал не просто лучшим другом, а скорее старшим братом, который на протяжении последую-

щих нескольких лет был для меня сильнейшей моральной поддержкой, защитником и товарищем во всех радостях и бедах.

Мне казалось, будто папа, увидев с небес мое отчаяние и одиночество, послал Остина на замену себе. И это не просто фантастические мысли маленькой девочки. Сейчас, спустя больше двенадцати лет с нашей первой встречи, я абсолютно уверена в этом.

Он мой герой. Ни больше ни меньше.

Если бы не Остин, моя нелегкая жизнь в лучшем случае была бы на десяток оттенков мрачнее, в худшем – меня бы просто не было в живых.

С того дня практически все свободное время я проводила с Остином и его бабушкой. Годы шли, а вместе с ними дыра в моем сердце из-за смерти папы постепенно заживала. Я приспособилась к новым обстоятельствам и к жизни в небезопасном районе. Моя повседневность изменилась далеко не в лучшую сторону, но тем не менее она продолжалась.

В отличие от маминой.

Спустя несколько лет помимо отстраненности в общении со мной, я также начала ощущать исходящий от нее запах спиртного. Как я только не пыталась достучаться до нее, объясняя, что алкоголь – не лучший помощник в решении проблем, но все было тщетно. Она не слушала меня.

К тому моменту мне было четырнадцать, и к моим бушующим подростковым гормонам добавилась еще и крайняя

озлобленность не только на маму, но и на весь окружающий мир. Поэтому вместо мольбы и спокойных разговоров, я решила привлечь ее внимание другими, более радикальными и, как сейчас осознаю, глупыми и крайне опасными способами.

Всего за несколько месяцев из светлой, порядочной и дружелюбной девочки я превратилась в грубую, вечно раздраженную, импульсивную хамку, которой было глубоко плевать, к чему приведут ее действия, а страх перед улицами словно и вовсе пропал.

Меня разрывало непреодолимое желание доставить другим ту же боль, что постоянно испытывала сама. Именно это мерзкое стремление придало смелости и привело меня в одну из многих неблагоприятных группировок Энглвуда.

Моя новая жизнь состояла из регулярных тусовок с членами банды. Мы постоянно шатались по улицам, пугая людей, обворовывали их, разбивали витрины киосков и магазинов, автобусные остановки и стекла чужих машин, занимались вандализмом и другими бессмысленными разрушениями.

Мама, если и была в курсе о моей новой компании, то виду не подавала. Ни одного, черт побери, упрека или воспитательного слова не сорвалось с ее уст. Ничего не изменилось. И ее равнодушие вызывало во мне еще более мощную вспышку ярости.

В общем, моя жизнь превратилась в замкнутый круг из

злости, боли и непонимания, с каждым днем прогрессивно увеличивающийся в размерах. Даже мой вечный спаситель Остин, которому я в то время неслабо потрепала нервы и ввязала в огромное количество стычек с бандой, не мог достучаться до меня и уберечь от проблем.

Однажды, во время очередного разгрома магазина, оперативно прибывшим полицейским удалось меня поймать, и ни один член банды, с которыми я совершала преступление, не попытался мне помочь. Они просто сбежали, спасая свои шкуры, а меня грубо затолкали в машину и повезли в полицейский участок.

Помню, как поразилась, когда спустя час увидела там свою маму. Она все-таки пришла за мной, хотя, честно говоря, я и не надеялась.

И видимо тот факт, что ей пришлось потратить последние сбережения на мой выкуп из полиции, побудил маму наконец заговорить со мной. Однако ничего хорошего она мне не сказала. Лишь сообщила, что, если я и дальше продолжу вести себя в том же духе, то ее лишат родительских прав, а меня упекут в детдом или еще хуже – в колонию для несовершеннолетних преступниц.

И на этом все.

Я окаменела от страха, забыла, как дышать. Моим самым жутким кошмаром после смерти отца был потерять маму. Ее слова о детдоме подействовали на меня отрезвляюще.

Естественно, злость, обида, разочарование, чувство

несправедливости и непонимания никуда не делись, а лишь сильнее наполняли меня с каждым последующим днем, но я больше не могла позволить себе рисковать и вытворять глупости, которые приведут к ужасающим последствиям.

Отстраненность мамы уже не казалась столь мучительной в сравнении с перспективой жизни вдали от нее. Я готова была стать тише воды ниже травы, только бы никто не забрал меня от мамы. Этого я однозначно не смогла бы пережить.

Глава 2

Николина

Выбегаю их дома и вижу, что такси с брюнеткой на заднем сиденье уже ждет меня возле подъезда.

– Привет! Я до последнего не верила, что ты успеешь так быстро собраться, – дрожащий голос Эми выдает степень ее волнения. – Нам далеко ехать?

– Буквально пара кварталов.

Диктую водителю адрес и внимательно изучаю подругу. Она действительно одета непривычно просто для нее.

– Не могу не похвалить тебя, Эми, – ты услышала все мои указания.

– Еще бы! Ты же мне все уши прожужжала, – недовольно фыркнув, она закатывает глаза.

– Не злись, я же не от нечего делать тебя предупреждаю. Просто хочу, чтобы сегодня все обошлось без проблем. Люди в Энглвуде сильно отличаются от тех, к кому ты привыкла. Лучше лишний раз не провоцировать.

– Верю, – сдавленно произносит, оглядываясь по сторонам. – Я никогда не могла подумать, что в Рокфорде имеются такие районы, – Эми вздрагивает от неожиданных криков

на перекрестке.

– В каждом городе есть подобные районы. Не бойся и главное не отходи от меня ни на шаг. Тогда все будет в порядке.

– Тебе не страшно здесь жить?

– Было страшно только в самом начале, а потом привыкла. Да и жить мне больше негде. Здесь мой дом. Но ты все еще можешь передумать, и мы развернем такси. Ты точно уверена?

– Ты еще спрашиваешь? Я не могу дождаться, когда увижу своими глазами, как дерется Марк! Скорее всего, у меня сердце в пятки уйдет от страха.

Я невольно усмехаюсь.

Сегодняшний бой Марка Эндрюза – наименее страшное зрелище, которое ей предстоит увидеть.

Эмилия – порядочная девушка из образцовой, верующей семьи. И, разумеется, она была обязана запасть на самого разгульного, наглого и испорченного парня. Это же классика. Другого я от нее и не ожидала.

Сколько бы я ни убеждала глупышку, что ее постигнет сильное разочарование в предмете своего воздыхания, она мне не верит. По всей видимости, Эми должна самостоятельно наступить на «грабли» под именем Эндрюз, чтобы понять – плохие мальчики меняются только в фильмах или любовных романах, которые она непрерывно любит читать. В жизни вряд ли что-то способно в одночасье выбить из них все дерьмо и заставить думать о чем-то, кроме себя любимых.

Конечно, я не могу говорить за всех, но Марка я знаю достаточно хорошо, чтобы твердо заявить, что кроме смазливой внешности, спортивного тела и денег семьи, в нем нет ничего достойного внимания.

И честно, в моей голове до сих пор не укладывается, как Остина угораздило сплестись со столь пустым человеком. Причем они относят друг друга в категорию лучших друзей, что окончательно меня обескураживает.

Остин, конечно, тоже далеко не ангел, но, по крайней мере, он не считает девушек мусором или одноразовой вещью.

– Ты же познакомишь меня с ним, Ники? – с надеждой спрашивает Эми, на что в ответ я обреченно вздыхаю.

– А разве у меня есть выбор?

– Конечно нет! – страх в ее голосе разбавляется восторженными нотами, а большие карие глаза заполняются блеском. – Ты думаешь, я ему понравлюсь?

– Тебе бы несказанно повезло, если бы ты ему не понравилась, но на это нет никаких шансов. Ты прекрасна, Эми.

И я не кривлю душой. У Эмилии очень интересная внешность. Она не относится к стандартным красавицам, да и фигура худовата для ее высокого роста, однако своим прирожденным шармом она, как магнитом, притягивает к себе внимание людей любого пола и возраста. И я не стала исключением.

После моего неадекватного поведения с бандой отморожков я окончательно закрылась в себе из-за чувства вины за

содеянные разрушения. Я не желала общаться ни с кем, кроме Остина. И так продолжалось до тех пор, пока он буквально за шкуру не притащил меня в один из детских домов Рокфорда. Остин прекрасно знал мою фобию к этому месту, но заверил – чтобы облегчить совесть, мне необходимо начать делать что-то полезное для других.

Там я и познакомилась с нежной, располагающей к себе добротой Эми. Она пару раз в неделю приходила в детдом, где обучала сирот игре на фортепиано или устраивала концерты, чтобы их повеселить. И взяв у нее пример, я начала проводить танцевальные уроки детям, которые посещали мои занятия с большим энтузиазмом.

Медленно, но верно я излечивала себя от гнетущего чувства вины, и, как приятный бонус, у меня появилась близкая и по сей день единственная подруга.

Стоит нам выйти из машины, как я чувствую волну напряжения, исходящую от Эми. Крепко удерживая мою руку, она непроизвольно прижимается ближе.

– Расслабься. Все хорошо. Нам туда, – успокаиваю ее, указывая в сторону внушительных размеров арки, ведущей во внутренний двор, окруженный заброшенными многоквартирными домами.

Оказавшись внутри, мы попадаем в толпу снующих туда-сюда людей, которые перекрикивают громкие биты музыки. Специально возведенные трибуны в несколько рядов вверх, стоящие по всему периметру двора, уже практически

заполнены.

Про себя отмечаю, что сегодня желающих насладиться кровавыми боями и заработать или проиграть немного денег гораздо больше, чем обычно.

Я сжимаю крепче ладонь Эми и тяну через толпу в сторону трибуны, где на верхнем ряду все еще остались свободные места. И внимательно слежу, как испуганно, но с долей любопытства, мечутся из стороны в сторону глаза подруги.

Уверена, в своем мире добропорядочного общества Эмилия даже вообразить не могла подобную картину из сотен неотесанных, шумных, навевающих страх парней и не менее отталкивающих девушек, одетых в дешевую одежду из секонд-хенда.

Со всех сторон гудят громкие резкие голоса. Разговоры в основном состоят из грубостей и мата, а вонь канализации, запах пота и травки вперемешку с пеленой сигаретного дыма идеально дополняет тягостную атмосферу предстоящей кровавой бойни.

– Ну что, удивлена? Все еще хочешь остаться? – интересно я, продолжая с задором следить за каждой ее реакцией.

– Да, удивлена. Нет, я хочу остаться, – даже не посмотрев на меня, еле слышно бормочет Эми. – Так много людей, я не могу найти Марка.

– Он должен быть где-то там.

Указываю в сторону небольшого возвышения. Там уже стоит местный заводила Лейн, принимающий последние

ставки, а рядом с ним крупногабаритный, полностью покрытый татуировками мужчина разогревает тело перед дракой. Он крепко сжимает кулаки, словно не в силах дождаться, когда сможет набить симпатичное личико Эндрюза.

Марк тот еще бесстрашный идиот. Он совершенно не контролирует не только свой член, но и болтливый язык. Не знаю, чем он так сильно разозлил гиганта, но сразу понятно, что Эндрюзу сегодня будет несладко.

– Это что, противник Марка? – в панике пищит Эмилия.

– Да, он самый, и, видимо, так же, как и ты, не может его найти.

– Боже, он же убьет его! – Эми хватается руками за голову.

– Не переживай раньше времени. Твой любимый тоже не маленький безобидный мальчик, – утешаю подругу, хотя осознаю, что в этот раз Марк допрыгался и сухим из воды точно не выйдет. Его противник даже с расстояния внушает страх и опасность.

Радуюсь от мысли, что Остин еще год назад завязал с боями. Он участвовал в драках не только ради дозы адреналина и выброса негативных эмоций, но и ради денег. Победитель получает неплохой выигрыш, а Остину после поступления в университет как никогда нужен был быстрый и «легкий» доход.

Без всяких сомнений, он продолжал бы калечить себя и по сей день, если бы последний бой годовалой давности не закончился больничной койкой.

Гематомы на лице и теле, переломанные ребра, вывих запястья и сотрясение мозга вряд ли испугали бы Остина, ведь он с детства привык к травмам. Однако прогнозы врача о том, что новых ударов по голове в следующий раз он, вероятнее всего, уже не переживет, все-таки убедили его забыть о боях раз и навсегда, и я выдохнула с облегчением.

Бои Остина для меня были адской, жестокой пыткой. Я словно испытывала каждый пропущенный им удар на себе. Честно, даже вспоминать невыносимо.

– Николь, по-моему, тебя кто-то зовет, – Эми дергает меня за рукав толстовки, и я поворачиваю голову в сторону выхода со двора.

Мне хватает секунды, чтобы узнать эффектную брюнетку, вид которой автоматически раздражает меня.

Подпрыгивая на месте и активно махая руками, девушка с густой копной волнистых волос пытается докричаться до меня. Она хмурит темные брови, а пухлые губы то плотно сжимаются от негодования, то раскрываются в крике, который теряется в шуме людей.

– Кто это? – интересуется Эми, замечая смену моего настроения.

– Лара.

– Ого. Девушка твоего Остина?

– Он не мой, Эми! – слишком резко реагирую я.

К сожалению, не мой.

В грудной клетке нещадно царапает, пока я в очередной

раз осознаю всю нелепость и обреченность моих чувств к лучшему другу детства.

Я люблю его всем сердцем и знаю – он меня тоже. Проблема заключается в том, что любовь наша кардинально отличается.

Я для него маленькая девочка, с годами ставшая родной и близкой. Младшая сестра, о которой он не перестает заботиться, сверхмерно оберегать, переживать и вечно вытаскивать из проблем, в которые я умудряюсь ввязаться.

Знаю, он готов отдать за меня жизнь, но не это мне нужно. А сердце... Его сердце, наполненное взаимной любовью. Не братской, а настоящей, всепоглощающей, возводящей душу в небеса, а тело окутывающей страстным пламенем.

Но увы, единственный огонь, что сжигает меня уже который год и не дает свободно дышать полной грудью, вызван отравляющей, сводящей с ума ревностью.

Сейчас, глядя на жгучую красотку, которая с усердием пробирается сквозь столпотворение в мою сторону, я неосознанно представляю, как по ночам он целует ее, обнимает, шепчет на ухо нежные слова или, наоборот, выкрикивает пошлости в порыве страсти, прижимается крепким телом к ее роскошным округлым формам, а затем проникает и наслаждается до самого утра.

Черт! Раздражаюсь до скрежета зубов, готовая в любой момент лично выйти на ринг и выбить весь дух из ни в чем не повинной девчонки.

– Николь! Николь, срочно спускайся!

Наконец мне удается расслышать тревожный голос Лары, и острый приступ ревности притупляется нехорошим предчувствием.

– Что происходит?

– Пока не знаю, – отвечаю я и вижу, как Лара, продолжая кричать, указывает в сторону возвышения, на котором стоит Лейн с разгневанным татуированным громилой и...

– Какого х... – из моего рта вырывается ругательство, а сердце замедляет биение до нуля.

– Николь, черт подери, спуск... и беги к...! Он не слушает меня... собирается...

Голос Лары смешивается с толпой, но я и так понимаю причину ее паники. Я сама теряю почву из-под ног, подбитая ужасающим осознанием происходящего.

Сегодня драться будет Остин.

Глава 3

Николина

У меня часто бывают проблемы с контролем над эмоциями. В частности, резкие вспышки гнева, однако я научилась более-менее с ними справляться, перенаправляя агрессивную энергию в нужное русло. Но сегодня приобретенные и отработанные годами навыки дали тотальный сбой.

Сейчас в меня словно бес вселился. Влетая в один из местных баров Энглвуда, я готова рвать и метать, но не все подряд, а исключительно одного безмозглого мажора, который никогда не думает ни о ком, кроме себя.

Тело сотрясается, словно в ознобе, руки одновременно холодеют и покрываются влагой с той самой секунды, когда я увидела Остина. Он уверенно продвигался сквозь скандирующую толпу в центр круга, в котором его уже не мог дождаться устрашающий соперник Марка.

Я не способна ясно мыслить и успокоить до максимума повышенный пульс. Перед глазами все еще мелькают кадры крови на любимых губах и быстро проявляющиеся синяки на рельефном теле. Даже громкой музыке бара не удастся затмить в моей голове хлесткие звуки борьбы, сдавленные

стоны и гортанное, злостное рычание, которое мне пришлось слышать еще пару часов назад в заброшенном квартале, где каждый новый удар по Остину мог оказаться для него последним.

Не успев остановить бой, я медленно крошилась на кусочки, наблюдая, как самый любимый и родной человек после мамы рискует жизнью и отдувается за «друга», который оказался не готов к назначенному им же бою из-за переизбытка алкоголя в крови.

Я убью эгоистичного мудака, который все еще продолжает свой нескончаемый пир где-то среди такой же вечно пьяной публики этого притона. И когда на невысоком балконе дымного помещения я нахожу свою цель, уверенность в моих намерениях только усиливается.

– Николь, мне кажется, тебе нужно успокоиться, – стонет Эми, напуганная моим нестабильным состоянием больше, чем омерзительной и крайне небезопасной атмосферой ночного заведения.

– Молчи! Я предлагала тебе уехать домой, ты отказалась, поэтому теперь не мешай! – рывкаю я незаслуженно грубо, но сейчас мне безразличен как ее осязаемый страх, так и неблагоприятное мнение, которое у нее сложится обо мне.

Ташу за собой Эмилию через обкуренный зал, бесцеремонно расталкивая преграждающих путь людей, которые в любой момент способны зарезать меня на том же месте.

Говорю же: полный отбой всем инстинктам самосохране-

ния.

Мы быстро добираемся в другой конец бара, где за большим круглым столом, вальяжно развалившись на кожаном затертом диване, как ни в чем не бывало расслабляется Марк в компании полуголой длинноногой блондинки.

Я подлетаю к уроду с лицом как с журнала обложки и до того, как он успеваеt хоть что-то осознать, вырываю коктейль из его рук и выплескиваю содержимое прямо в самодовольную рожу.

– Что за дерьмо?! – шипит Марк, жмуря глаза. – Жжет, блять, с-с-сука, какого хрена?! – он продолжает материться, пытаеься нащупать на столе салфетки.

Я тем временем пользуюсь его дезориентацией и наношу череду звонких пощечин, пока его тупая блондинка даже не пытается остановить меня, лишь обескураженно хлопает наращенными ресницами.

– Это ты редкостное дерьмо, Эндрюз! – яростно выплевываю я, с остервенением сжимая свою руку.

И нет, далее следует не очередная девчачья оплеуха, а самый настоящий удар кулаком в челюсть.

– Николь! Что ты творишь?!

Слышу шокированный вскрик Эми, но даже не думаю оборачиваться. Все мое внимание принадлежит парню, не менее потрясенному внезапной атакой.

Я повторно замахиваюсь, чтобы нанести еще один смачный удар, но на сей раз Марк успеваеt среагировать. Резко

вскочив с дивана, он хватается меня за плечи и отталкивает, словно пушинку, на несколько метров назад.

Врезавшись в стену, я чудом удерживаюсь на ногах.

– Ты совсем озверела?! Ты что творишь, идиотка?! – кричит и встряхивает головой, стирая с лица капли напитка.

Поврежденная губа покраснела, но крови нет. Так и знала, что нужно было бить сильнее.

– Это ты что творишь? Остин дерется вместо тебя, пока ты тут девок клеишь и всякую гадость в себя заливаешь! – собравшись с силами, я вновь подлетаю к парню, но Марк с легкостью прибавляет меня обратно к стене.

– Что за бред ты несешь, дура?! – заметив мой новый порыв ударить, Марк одной рукой сцепляет оба моих запястья, а второй жестко сжимает скулы.

– Всегда знала, что ты тряпка, но не думала, что пошлешь друга драться за себя, – шиплю я, игнорируя его болезненную хватку.

– Ты что, мозги себе отморозила? Никого я никуда не посылал! Я очнулся полчаса назад! Сегодня даже не видел Остина. Так что не носи чушь, Никс!

Меня колотит от его слов. Не верю, не хочу слушать его жалкие оправдания и продолжаю тщетные попытки вырваться из его лап.

– Он рисковал и дрался вместо тебя, мудака! Каждый на улицах знает нерушимое правило: если вызвал кого-то на бой, обязан явиться, пусть даже ползком на четвереньках!

– Не забывайся, Никс, я не с *ваших* улиц и никому ничего не обязан!

– Тогда какого черта вызываешь на поединок такого громилу, а потом в последний момент сливаешься?!

– Что за бред? Ты что, не слышала, что я тебе сказал? Я был в полной отключке!

– Зато сейчас выглядишь бодрее некуда!

– Где он? С ним все в порядке? – пропуская мой выпад мимо ушей, спрашивает Марк, заставляя усмехнуться внезапному волнению в голосе.

Проснулся, мудака!

– Теперь-то какая разница? Что сделано, то сделано. Он сражался, пока ты здесь был слишком занят, пытаюсь привести себя в чувство, – с трудом бросаю взгляд через его плечо в сторону заполненного алкоголем стола и наблюдающей за нами блондинки. – Отпусти меня, тряпка! Жалкое подобие мужчины! Отпусти!

– Закрой свой рот, дура неадекватная! Со мной ты так разговаривать не будешь! – напряженный голос Марка понижается на несколько тонов, давая понять, что терпение алкаша на исходе. – Я не Остин. Подтирать сопли и мирно терпеть подобные выходки не собираюсь.

– Правильно, давай, ударь меня! С девчонкой-то не страшно, силы неравны! Давай!

– Ты как-то слабо на девчонку похожа, – злостно проговаривает, но его слова меня несколько не задевают.

Мне ли не знать, какой «девчонкой» я могу быть, когда обстоятельства того требуют.

– Николь! Марк! Пожалуйста, успокойтесь!

Чувствую ладонь Эми на своем плече. Она с усилием пытается расцепить нас.

– Это еще кто? – продолжая удерживать меня, Марк обращает свое внимание на Эмилию.

Она умоляюще смотрит своими большими глазами то на него, то на меня, и ярость Эндрюза быстро уменьшает обороты, а сам он вдруг замирает и пристально разглядывает Эми.

– Какое прелестное создание. И какое-то знакомое. Мы с тобой нигде не встречались? – томно произносит он более мягким голосом.

Но, к моему удивлению, подруга игнорирует Марка и концентрирует взгляд на мне.

– Николь, пожалуйста, давай уйдем отсюда.

Только сейчас я замечаю, что ею всю трясет от страха.

– Отпусти меня! – немного придя в себя, повторяю свое требование, желая поскорее вывести Эми из этого мрачного, прокуренного места.

Я боялась, что мы попадем сегодня в передрагу, но не думала, что ее инициатором стану я.

– Без проблем отпущу, но сначала извинись!

– Ты охренел, Марк?! – опешив, рявкаю я.

– Давай, давай, извиняйся! Подлетела, набросилась без причины и объяснений, напугала мою подругу, и свою, меж-

ду прочим, тоже. А теперь еще что-то просишь? Кто охренел, так это ты! Причем уже давно. Если бы не Остин, мы бы сейчас разговаривали иначе. Так что извиняйся и расходимся!

– Пошел к черту! Были бы мои руки свободны, вмазала бы еще. И не раз!

– А еще просишь, чтобы отпустил, – неприятно смеется он, оголяя белоснежную улыбку. – Пора тебя научить правильным манерам, Никс, а то ведешь себя как неотесанная пацанка и выглядишь, кстати, тоже не лучше, – он оглядывает меня с нескрываемым презрением. – Все просто – просишь прощения, и я отпускаю.

– Мечтай дальше.

– Ники, пожалуйста, скажи, что он хочет, и уйдем, – пытается достучаться до меня Эмилия, но я остаюсь непреклонна.

– Послушай свою не только красивую, но и умную подружку. Кстати, как тебя зовут, милая? – Марк расплывается в своей фирменной улыбке, моментально гипнотизируя наивную девушку своим обаянием.

– Эмилия, – отвечает дрожащим голосом.

Я тем временем брыкаюсь как загнанный в клетку зверек, но Эндрюз не чувствует дискомфорта и преспокойно продолжает беседу.

– Приятно познакомиться, Эмилия. Я Марк. Пока наша строптивая пацанка раздумывает над словами, которые я хочу услышать, могу ли я тебя кое о чем попросить? – вкрад-

чиво спрашивает он.

Несколько секунд Эми молчаливо разглядывает безупречное лицо парня, словно раздумывая, как правильно поступить: бежать прочь обратно под крылышко родителей или поддаться своему страстному желанию познакомиться с ним?

– Проси, – наконец тихо произносит Эми.

Дура!

Неправильный выбор, Эмилия, совершенно неправильный!

Марк довольно усмехается, склонив голову набок, с явным интересом изучая девушку в ответ.

– Не бойся и не трясись так. Пока ты со мной, тебе ничего не угрожает, так что успокойся и выдохни, – мягко проговаривает он и прищуривается, словно хищник.

Эмилия попала. Без вариантов. Пусть запасается носовыми платками – слез из-за него она прольет целое море.

– Да отпусти же ты меня! Ничего я тебе не собираюсь говорить! – не сдерживаясь, кричу что есть силы и отчаянно вырываюсь, причиняя новую порцию боли лишь самой себе.

Марк хочет ответить, но не успевает. Кто-то резко отдергивает его, и я тут же ощущаю долгожданное расслабление в запястьях и онемевших скулах.

– Ты какого черта творишь?! – доносится твердый, звучный голос. От него по телу пробегает табун мурашек, а ноги превращаются в вату.

Обычная, неподвластная мне реакция на Остина.

– О-о, а вот и братец объявился! – с улыбкой произносит Марк, делая шаг назад, но Остин успевает схватить его за воротник рубашки и сильно встряхивает.

– Повторяю: какого хрена ты делаешь ей больно?! Еще не протрезвел?! Я тебе сейчас быстро помогу! – его стальной голос заставляет содрогнуться даже меня.

– Стоп, стоп, стоп! – Эндрюз поднимает руки в знак капитуляции. – Не кипятись, друг, я точно пока еще никому больно не делал. Это твою защитницу нужно опасаться. Ей сегодня подраться приспичило, я лишь отбивался, – весело сообщает Марк, но, как только он тщательней вглядывается в лицо друга, ослепительная улыбка сползает с его губ. – А ты, как погляжу, в самом деле полез в драку. Вроде бы из нас двоих я – тот, кто любит совершать необдуманные поступки.

– Так и есть, ничего не изменилось, – после недолгой паузы отвечает Остин и выпускает Марка из захвата.

– Не очень в этом уверен, но в любом случае рад, что ты жив и здоров, – выдает мудака и дружески хлопает Остина по плечу.

И это все?

«Рад, что ты жив и здоров»?

А если бы Остин умер, сказал: *«Жаль, что тебе не повезло, друг, пойду помяну тебя порцией виски»?*

Я даже не замечаю, как вновь накидываюсь с кулаками на Марка, но в этот раз Остин сам хватает меня и оттаскивает

от друга.

– Вот о чем я тебе и говорил. Она сегодня совершенно неменяемая.

– Лучше быть неменяемой, чем таким ничтожеством, как ты!

– Слушай, засунь эту боксершу в клетку, пока она тут всем лица не поотбивала, – обращается он к Остину.

– Помолчи, Марк, а ты успокойся! И быстро на улицу!

– Дай его прибить сначала! – злостно рычу я.

– Да успокойся же ты, Николина! Идем на улицу! – выпаливает Остин и, видя мой очередной порыв напасть, ловко сгребает в охапку. – Побудь с девчонкой, Марк, и не твори глупостей! Я скоро вернусь, – добавляет он, указывая на Эмилию, и начинает уносить меня прочь.

Глава 4

Николина

Быстро преодолевая танцующую толпу людей, Остин тащит меня к выходу. Оказавшись сомкнутой в его сильных руках, я все еще злюсь, но больше не вырываюсь. Вдыхаю любимый запах его кожи, и красная пелена перед глазами постепенно растворяется, а тело становится покорным.

Как только мы выбираемся из бара, сильный порыв ветра немного проясняет разум и теперь заставляет дрожать от холода, а не от нестерпимого желания набить наглую морду Марка.

– Дыши, мать твою! Ты совсем с катушек слетела? Я думал, мы договорились, что ты завязала с драками! – негодует Остин, все еще удерживая меня.

– Ха! Могу упрекнуть тебе в том же!

– Это был единичный случай!

– Он мог быть последним!

– Но не стал! Успокоилась? – спрашивает он, ощущая, как я обмякаю в его руках. После вспышки агрессии обычно накрывает бессилие.

– Успокоилась, – недовольно бурчу.

– Точно?

– Точно.

Остин осторожно освобождает меня из своих объятий и, немного придерживая, разворачивает к себе лицом.

– Ты что там устроила?

– У Марка должен был быть сегодня бой, и я решила его ему организовать.

Мои слова вызывают у Остина усмешку.

– Значит, я правильно сделал, что вместо больницы приехал сюда, – спокойно сообщает он, заставляя меня оцепенеть.

Единственный источник света на улицы исходит от неоновой вывески бара и пары тусклых фонарей, находящихся в десятке метров от нас. Мне приходится напрячь зрение, чтобы лучше рассмотреть Остина.

Одна щека заметно отекла, слегка прикрывая глаз, правая бровь рассечена, а свежая рана на губе норовит начать кровоточить.

Вспоминаю покрытое багровыми синяками и ссадинами тело и боюсь даже представить, насколько серьезные повреждения сейчас спрятаны под одеждой. От вновь вспыхнувших перед глазами картинок боя, я замираю, точно скованная льдом, и мое состояние не остается незамеченным.

– Никс, ну ты чего? Я же пошутил, не нужна мне никакая больница, – взяв мое лицо в свои ладони, Остин проводит большими пальцами по щекам, вмиг обдавая жаром онемев-

шие от боли скулы. – Все хорошо, я выиграл и легко отделался. Без переломов и вывихов. Только синяки и незначительные раны.

– И это называется – легко отделался? Остин, как ты можешь такое говорить? – убрав его ладони с лица, я отстраняюсь и хватаюсь за голову. – Я чуть с ума не сошла, когда увидела тебя там. Ты о чем вообще думал? Ты же знал, что один неверный удар мог отправить тебя не просто в нокаут, а прямиком на тот свет!

– Но заметь, не отправил ни в одно из упомянутых тобой мест. Так что паника отменяется.

– Ты так просто это говоришь? Ты зачем так рисковал из-за этого недоумка?

– Никс, он не просил меня драться.

– Но Лара сказала, что...

– Лара сказала то, что надумала сама, – не дав договорить, поясняет Остин. – Она до последнего считала, что мы едем на бой Марка. Я сказал ей, что буду драться вместо него, лишь когда мы приехали в квартал. На подробности уже не было времени.

– Тогда тем более не понимаю, какой черт тебя надоумил пойти на это?

– Все просто, Никс, мне нужны деньги, да и ты же знаешь правила: если бы боя не было, Марка потом все равно нашли бы, только драться пришлось бы уже не с одним противником.

– И он получил бы по заслугам. Марк не раз участвовал в боях в нашем квартале и прекрасно знал, что ждет каждого, кто решит струсить в последний момент.

– Ты же знаешь, что он не трус.

– Не трус, так алкоголик! Причина не имеет значения! Он не пришел, а ты, как всегда, решил погеройствовать, рискуя своей жизнью! – я вновь срываюсь на крик.

– Все, хватит, успокойся! Не ищи виноватых. Сказал же: я сам все решил, – Остин приближается и хватает меня за плечи. – Забудь ты уже о Марке! Он не знал, что я выйду в бой. Уверен, не будь он в коме, несомненно, попытался бы остановить меня. Я осознавал, на какой риск иду.

Заметив мой порыв вставить комментарий, Остин прикрывает мой рот рукой.

– Я хорошо знаком с тактикой Глена в драке, так же, как и был в курсе о его неповоротливости и других слабых местах. Я изначально знал, что мои шансы выиграть велики, иначе бы я не вышел на ринг, – договорив, он наконец освобождает мой рот.

– Ты только напрочь забыл про свои слабые места!

– Я никогда ничего не забываю, Никс, хватит выносить мне мозг. Тебе так тяжело остыть и порадоваться, что все кончилось благоприятно?

– Я радуюсь, Остин, еще как радуюсь! Просто знай, если бы ты сегодня там... я бы... я бы умерла с тобой на том же месте, идиот! Как же ты не понимаешь, что ты для меня...

ты... ты – моя семья. Если с тобой что-нибудь случится, я не вынесу. Только не ты! Мне вообще больше незачем будет жить, – будучи на грани срыва, с трудом договариваю предложение.

Сердитость Остина мгновенно сменяется грустью и сожалением. Не успеваю и глазом моргнуть, как вновь оказываюсь сжата в его теплых объятиях.

– Никогда не говори так, Никс, – шепчет он, прижимаясь губами к моему лбу и начиная поглаживать мне спину.

Он хочет успокоить меня, но своими нежными движениями добивается в точности обратного эффекта. Мой пульс учащается, дыхание перехватывает, а нестерпимое желание разливается по венам.

– У тебя еще вся жизнь впереди, как и у меня. Так что все! Закрыли эту тему, успокойся. Я постараюсь больше так тебя не пугать.

– Постараешься или обещаешь не пугать? – бормочу я, уткнувшись носом в его куртку. Она так дивно пахнет, что голова начинает кружиться от кайфа.

– Обещаю.

Даже не видя лица Остина, чувствую его обаятельную улыбку и наслаждаюсь редким моментом нашей близости, которой мне так сильно не хватает.

Мы больше не дети. У каждого свои проблемы и заботы. Времени на встречи, как раньше, нет.

У меня все до боли однообразно: пятидневные репети-

ции для шоу-программы в «Атриуме», ночи голых танцев вокруг похотливых мужиков и дом, в котором меня ждет грязь, неоплаченные счета и пьяное семейство. И так по кругу. Единственной отдушиной среди бесконечных, угнетающих попыток свести концы с концами являются уроки танцев в детдоме, которые я все еще продолжаю проводить.

Тем временем у Остина: забота о бабушке, любимая девушка, разработка IT-проекта, окончание университета и усердные поиски новой хорошо оплачиваемой работы, которая позволит ему, наконец, встать на ноги и следовать дальше к поставленным целям.

Еще в детстве Остин мог часами говорить на непонятном мне языке про компьютерные системы, различные программные фишки, цифровые обмены данных алгоритмов и о многом другом, что связано с информационными технологиями. С непоколебимой уверенностью в голосе он не переставал рассказывать, как изобретет программное обеспечение нового поколения, откроет свое дело, превратив его в крупную корпорацию, начнет ворочать миллионами и чуть ли не станет правителем мира.

Да, его мечты всегда были глобальными! И, успев за долгие годы дружбы узнать Остина как свои пять пальцев, я стопроцентно уверена – рано или поздно он достигнет желаемого, если, конечно, не станет вновь изображать из себя героя и бессмысленно рисковать так, как сделал это сегодня.

– Он был таким здоровым и яростным. Я думала, он тебе

все кости переломает, – прочистив горло, тихо произношу я.

Немного отстранившись, Остин со свойственным ему задором смотрит на меня.

– А ты, как я понимаю, все еще считаешь меня хилым дрыщем?

– Я не это имела в виду.

Смотрю на него снизу вверх, в который раз отмечая, что от некогда тощего, долговязого мальчишки не осталось и следа.

При моем среднем росте я еле достаю макушкой до его подбородка, а из-за натренированного тела, добиться которого вечно худощавому Остину стоило невероятных трудов, я ощущаю себя совсем крошечной девчонкой.

– Никакой ты не дрыщ, просто он напоминал свирепого великана, способного без труда раздавить любого на своем пути.

Еще одна короткая улыбка касается любимых губ.

Черт... обычная улыбка способна довести меня до иступления.

– Не спорю. Глен выглядит устрашающе, но ярость его напускная, лишь для морального запугивания и подавления противника. На самом деле он душка, каких еще поискать: много лет работает в пекарне, женат, имеет двоих милых детишек, в которых души не чает, а все свое свободное время посвящает спасению бездомных животных и написанию картин. Кстати, очень даже неплохих. Я в живописи мало что смыслю, но его последний морской пейзаж тронул даже

меня. Как увидел – и сразу такое блаженное умиротворение по телу разлилось. Безумное сочетание цветов. Не передать. Глен талант, каких еще поискать.

Мне кажется, мои глаза готовы выпасть из орбит.

– Ты сейчас серьезно? – совершенно сбитая с толку, интересуюсь я, прекрасно помня татуированного качка размером со шкаф, со сморщенным, озлобленным лицом.

Остин несколько долгих секунд молчит, покусывая губы, а когда смех все-таки вырывается наружу, произносит:

– Боже, видела бы ты свое лицо! – звонко смеется. – Я ни черта не знаю о жизни этого бугая! Просто решил снять напряжение, вот и наплел первое, что пришло в голову.

Пока он продолжает заливаться, я невозмутимо стою, до последнего пытаюсь удержать серьезное выражение лица, но щеки сами начинают дрожать, а губы предательски расплываются в улыбке.

– Дурак ты, Остин! Какой же ты все-таки дурак, – заразившись от него приступом смеха, я бью кулаком по его плечу.

– А недавно говорила, что я гений!

– Беру свои слова обратно! Дурак, а еще врун! Его хоть Глен зовут или ты с самого начала мне зубы заговариваешь всяким бредом?

– Нет, бредом была лишь его история жизни, остальное – чистая правда, – заверяет он, получая в плечо еще один удар. – Да ладно тебе, Никс, я хотел просто немного отвлечь тебя. Ты сильно перенервничала сегодня, – ловко перехватив

мои замерзшие руки, он сжимает их между своих ладоней.

– И кто же в этом виноват?

– Прости, но с каких пор тебе одной дозволено трепать мне нервы? – спрашивает он с поддельным возмущением, а я не нахожусь с ответом. Лишь стараюсь не подавать виду, что неумолимо таю от его трепетных прикосновений рук.

Между нами повисает недолгое молчание, во время которого я успеваю расслышать непрерывные завывания ветра, отголоски музыки из бара и его мерное дыхание наперебой с ускоренным ритмом моего сердца.

Вспоминаю, как, стоило закончиться поединку, я отчаянно рвалась сквозь ревущую толпу к нему – изрядно побитому, вспотевшему, покрытому следами крови вместе с кусками земли и пыли, зверски усталому, но такому любимому, до боли родному и невозможно красивому.

Мне было крайне необходимо лично убедиться, что он жив и ему ничего не угрожает. Я бежала, одержимая желанием сжать в объятиях, дать ему почувствовать тепло, ласку и переполняющую меня любовь. Бежала как наивная дура, напрочь забыв о том, что моим желаниям никогда не суждено сбыться.

Добравшись до центра двора, вместо того, чтобы накинуться на него и больше никогда не отпускать, я просто застыла на месте и наблюдала, как чужие тонкие руки уже обнимают его, крепко прижимают к стройному телу, не боясь испачкаться в грязи и крови, а губы хаотично покрывают по-

целуями лицо, не пропуская ни одного синяка или раны.

Но мое вконец истерзанное сердце на сей раз разбилось вовсе не от плачущей от счастья Лары, которая не могла оторваться от Остина ни на секунду, а от ясной картины его искренних чувств к ней.

До появления Лары Дорбей в жизни Остина было много разных девушек: привлекательных и, на мой скромный взгляд, не очень, блондинок, брюнеток, рыжих, высоких, низких, болтливых непосед и скромных тихонь... Этот список можно продолжать еще долго, но каждая из них для Остина была коротким эпизодом жизни, не оставляющим за собой ничего, кроме приятных воспоминаний.

Я привыкла быть единственной, кого он по-настоящему любит. Пусть и совсем не так, как мне необходимо.

Девушки исчезали из его жизни так же быстро, как и появлялись, а я оставалась. Всегда. Но с Ларой все иначе. Я это сразу поняла. Тут что-то больше, глубже, важнее простого удовлетворения физической потребности. И осознавать это больно. Чертовски больно. Так, что грудную клетку сжимает до невозможности сделать вдох.

Когда-то мне казалось, так будет не всегда – рано или поздно я привыкну, перестану умирать от ревности, смирюсь с мыслью, что взаимная любовь Остина для меня недостижима, но, видимо, со мной что-то не так: я неисправимая идиотка или просто мазохистка.

Сколько бы мое упрямое сердце ни разрывалось, оно все

равно продолжает безответно любить. И неважно, будь это любовь к матери или мужчине.

– Ты замерзла, – теплый голос возвращает меня из грустной паутины мыслей.

Натянув мне на голову капюшон, Остин застегивает молнию куртки до самого горла.

Чертова братская забота.

Мне нужно, чтобы ты раздел меня, коснулся кожей к коже, опалил дыханием, покрыл горячими поцелуями. Это бы согрело меня лучше всякого огня.

– Ты неважно выглядишь, Никс, бледная совсем и синяки под глазами.

– Устала немного за последние дни, – потирая переносицу, пытаюсь вспомнить, когда в последний раз ела.

– Не надумала еще уйти из клуба? Я изначально был против, а сейчас вижу, что не зря. Ночная работа не идет тебе на пользу, – озадачивается он, даже не зная всей правды до конца.

Знал бы – убил бы на месте. Поэтому пусть и дальше думает, что я просто гоу-гоу танцовщица в ночном клубе.

– Остин, я не найду другую работу с похожей зарплатой и возможностью танцевать. Ты же знаешь, я ничего другого не умею, а вновь быть официанткой, работая за гроши, или еще хуже – воровать я не хочу. Я не уйду из клуба, ведь не одному тебе нужны деньги, – последние слова слетают с моих губ с особенно явным отчаянием.

– Черт!

Замечаю, как он злостно сжимает челюсть, и заранее понимаю причину его негативной реакции. Если я давно смирилась с тем, что мне приходится тащить на своих плечах маму с бездарным отчимом, то Остин отказывается молча принимать данный факт.

– Как долго ты собираешься еще это терпеть, Никс?

– Лучше закроем эту тему до того, как начнем снова ссориться.

Остину не понять, почему я не уезжаю из Энглвуда, оставив двух неизлечимых алкоголиков с кучей созданных ими же проблем, на решение которых уходят все заработанные мной деньги. А у меня нет другого разумного довода, кроме любви к маме и бессмысленной надежды на то, что однажды смогу вытащить ее из глубокого дна, в которое она упорно погружает себя со дня смерти папы.

– Почему ты такая упертая? Твоя жизнь может быть совсем другой. Ты растрачиваешь попусту свой талант. Теряешь время в каком-то пафосном клубе, изнуряя себя ночной работой, только потому что платят больше. Ты же просто позволяешь маме с Филиппом использовать тебя, что они без зазрения совести и делают.

– Прошу, не начинай, – закатываю глаза.

– Уже начал! Меня выводит из себя твое никому не нужное самопожертвование.

– Мы это уже проходили. И не раз.

– Да! И ты все равно стоишь на своем. Когда ты наконец поймешь, что она не изменится?

– Прекрати! Я никогда этого не пойму и не смирюсь! И хватит об этом!

– Я не могу смотреть, как ты страдаешь, Никс. Ты должна беречь себя, а вместо этого взваливаешь на свои плечи проблемы, которые вовсе не должна решать.

– Это мой выбор, поэтому не жалуясь.

– Идиотский выбор!

– Остин, прошу тебя, закрыли тему, – твердо повторяю.

Недовольно вздохнув, он проводит рукой по растрепанным волосам, создавая на голове еще больший хаос. Достает сигарету, тяжело затягивается.

Вижу – он пытается сдержать очередную попытку вразумить меня и злится. Я прекрасно понимаю почему. Ведь он прав – Филипп практически живет за мой счет, раз за разом загоняя нас в еще большие долги, а я продолжаю терпеть это только из-за мамы.

Еще два года назад, окончив школу, я могла уехать в Лос-Анджелес, Нью-Йорк или другой крупный город с головокругительной энергетикой, переполненный искусством, танцами, театром, безграничными возможностями и перспективами на лучшее будущее. Еще тогда я могла бросить никчемное существование в Энглвуде и начать свой долгий путь к заветной мечте стать профессиональной танцовщицей.

Но я сделала выбор и осталась в родном городе, центр которого кишит в основном только офисами, бизнес-центрами и множеством промышленных предприятий различных отраслей. Город белых воротничков. Сдержанный, серый, однообразный и совершенно безликий.

– Мне стоило уже давно прибить Филя. И признаюсь честно: я бы сделал это с превеликим удовольствием, – цедит Остин на полном серьезе, выдыхая облако сигаретного дыма.

Ему мой отчим сразу не понравился. Я же вслед за мамой повелась на обманчиво приятное первое впечатление, которое произвел на нас Филипп.

На деле же он оказался конечной мразью.

Мама влюбилась в него беспамятно, он же преследовал сугубо меркантильный интерес: халявное жилье и дополнительный источник денег на постоянные карточные игры. Он не приостановил мамины традиционные вечерние randevu с бутылкой алкоголя, а наоборот, присоединился.

Бесконечное количество разговоров, десятки ссор, истерик, криков, разбитой посуды и мебели – ничто не помогло мне сбросить с глаз мамы розовые очки и выгнать Филиппа из дома.

Никогда! Слышите?.. Никогда, ни при каких обстоятельствах, даже на секунду не допускайте мысли, что ваша жизнь не может стать хуже. Вселенная, словно насмехаясь, непременно убедит вас в обратном. Этот прискорбный факт тогда я уяснила раз и навсегда.

– Вполне достаточно тех костей, что ты ему уже переломал, – горько усмехаюсь в ответ. – И не злись больше, все равно ты ничего не можешь изменить.

– Это можешь только ты, Никс. Я лишь даю слово, что не перестану пытаться достучаться до тебя, – устало обещает Остин.

– Знаю, но, думаю, хватит на сегодня разговоров. Тебе необходимо отдохнуть.

– Николина, – он останавливает меня, когда я планирую вернуться обратно в бар за Эми, и протягивает сверток купюр. – Возьми.

– И не подумаю! – отталкиваю его руку, но Остин силой вкладывает деньги в мою ладонь и сжимает пальцы.

– Бери!

– Но тебе они нужны не меньше.

– Заработаю еще.

Как всегда, уверенность не покидает Остина, но я не хочу принимать деньги, особенно заработанные ценой его боли.

– Остин, не надо.

– Боже, Никс, можешь ты хоть раз не спорить и сделать так, как я сказал? – все еще удерживая мой кулак плотно сжатым, цедит он, заставляя меня сдаться. – Сама сказала – мы семья, и я хочу помочь хоть чем-то. Просто помни, что деньги не уничтожат корень твоих проблем.

Ощущаю его заботу, и мою грудь сдавливает от противоречивых эмоций. Любовь и безграничная душевная привя-

занность натягивается тонким шлейфом грусти.

Он прав. Опять.

Никакие деньги мира не купят мне любовь мамы. А также не помогут смириться, не придадут смелости бросить ее и уехать вслед за мечтой.

– Я люблю тебя, Остин, – шепчу, благодарно обнимая, а душа кричит и вырывается наружу, потому что знаю – он не поймет истинный смысл моих слов.

– И я тебя люблю, малышка.

Он склоняет голову к моей макушке и прижимается телом к моему. Крепко, близко и так по-родному. Тысячи струн внутри меня начинают вибрировать, наполняя тягучей, сладостной истомой.

Люблю его. Хочу! Желаю до остервенения!

Но продолжаю молчать. От удовольствия прикрываю глаза и отгоняю гнетущие мысли, вслушиваясь в спокойное биеение его сердца, которое никогда не будет моим.

Глава 5

Николина

«Добро пожаловать в Атриум» – загорается надпись на сенсорном экране монитора, когда я прикладываю пропуск к входу для персонала. Дождавшись характерного сигнала разблокировки турникета, прохожу в здание, за последний год ставшее для меня вторым «домом».

Домом, который разительно отличается от Энглвуда – чистотой, комфортом, роскошной атмосферой, запахом денег, удовольствия и безудержного веселья, но назвать эту часть моей жизни более благоприятной язык не поворачивается.

«Атриум» – не простой, заурядный стриптиз-клуб, а место грандиозных развлекательных секс-шоу, где, помимо чувственных танцев и развратных сцен, воплощаются самые смелые эротические фантазии. Это элитное место порочных утех и соблазнов является гордостью близнецов Мэрроу. Внешне братья – как две капли воды, но на этом их сходство заканчивается.

Энтони, или, как он требует называть себя – Тони – некогда успешный танцор, из-за серьезной травмы завершил профессиональную карьеру на пике славы и теперь является хо-

реографом и постановщиком всех шоу-программ.

Ходят слухи, что вне рабочей деятельности Тони вполне приятный и легкий в общении человек, но лично мне еще ни разу не посчастливилось встретить его светлую сторону. В клубе он надменный, заносчивый, категоричный и крайне импульсивный. Каждая репетиция проходит точно под надзором тирана-перфекциониста, требующего от танцовщиц полной самоотдачи и исполнения всех движений на высочайшем уровне, словно готовит нас не к выступлению перед пьяной публикой, а на сцену Бродвея. Не меньше.

Никогда не забуду кастинг на место стриптизерши. Это было самое сложное испытание в моей жизни. Но тогда хороший доход был необходим мне даже больше, чем сейчас, поэтому я держалась до конца отбора и танцевала, как в последний раз в жизни, даже несмотря на абсолютную уверенность, что меня не выберут из десятков невероятно фигуристых самоуверенных девушек, которые не только обладали впечатляющими танцевальными навыками, но и умели эффектно преподнести себя.

Все, что я имела, – страсть к танцам и непреодолимую тягу к сцене, которой, как мне казалось, будет недостаточно, чтобы составить конкуренцию настоящим богиням. Я до сих пор гадаю – сквозь какие волшебные очки смотрел на меня Тони, когда утвердил мою кандидатуру в танцевальный состав «Атриума»?

Не знаю – это звезды так удачно сошлись, либо мне уда-

лось зацепить его внимание танцевальными способностями? Но в тот день именно я получила работу, и задавать лишние вопросы в мои планы не входило.

Волна радости с осязаемой долей гордости, бесспорно, захлестнула меня, но приятное чувство развеялось, стоило лишь вспомнить, в каком виде и для кого мне предстоит танцевать.

Стриптизерша, у которой за девятнадцать лет жизни не было ни единого сексуального опыта, должна была искусно соблазнять незнакомых мужиков. Теперь стала понятна моя отчаянная необходимость в деньгах, раз я согласилась на подобное безумие?

И каким же немислимым образом «неотесанная пацанка» умудрилась вписаться в мир похоти и разврата, где бал правят умелые соблазнительницы, знающие подход к любому мужчине?

Я и не вписалась, но прекрасная «Аннабель», в роль которой я научилась входить каждую ночь, вполне неплохо справляется со своими обязанностями, в которые входит все, кроме самого главного.

Досконально изучив контракт несколько раз, в длинном перечне должностных обязанностей я не нашла и слова об интимных связях с клиентами. Но, как оказалось, отсутствие данного пункта не означает, что стриптизерши не занимаются в клубе проституцией. Еще как занимаются! Просто никто не афиширует это в официальных документах.

Я сразу заявила, что к подобным способам заработка не готова, и именно этот факт до сих пор является камнем преткновения в отношениях со вторым владельцем клуба.

Эрик Мэрроу от темпераментного брата отличается заведомой сдержанностью и рассудительностью. Большую часть времени он спокойный как удав и в той же мере по-змеиному скользок.

Если Тони мало волнует все, что выходит за пределы постановок шоу, то Эрик руководит всеми остальными процессами клуба и зациклен на постоянном увеличении прибыли бизнеса.

И само собой отказом от предоставления «эксклюзивных» услуг я заведомо сократила заработок как себе, так и алчному начальнику, который с первого дня недолюбливал меня.

Вначале это изрядно напрягало, но позже моя наставница в клубе успокоила, заверив, что для работы в «Атриуме» достаточно понравиться хотя бы одному из братьев. А раз Тони выбрал меня, значит, бояться увольнения не стоит. И вот уже больше года я являюсь единственной стриптизершей, которая не спит с клиентами, а только мастерски обрабатывает их в зале, выступает в эротических стрип-шоу, танцует полуголой на сцене, пилоне или в клетке, развлекает публику на пару с другой танцовщицей, имитируя сексуальные сцены, и занимается консумацией.

Хотя все вышеупомянутое, скорее, делаю не я, а моя вто-

рая сторона, которую я вижу каждую ночь в отражении зеркала.

Незнакомка. Чужая. Астрономически далекая от меня.

Единственное, что скрывает ее тело, – черный кружевной комплект нижнего белья, инкрустированный множеством мелких кристаллов, кожаная юбка, позволяющая клиентам без труда увидеть тонкую полоску стрингов, и развратные чулки, которые большинство мужчин так и норовят оттянуть за резинку.

На голове царит высокий начес, а крупные волны светлых волос спадают по оголенным плечам и спине. Слой тонального крема до идеальности сравнивает тон кожи, румяна еще сильнее заостряют скулы, синий цвет глаз практически невозможно различить из-за темных теней на веках и густых наращенных ресниц, а губы привлекают к себе внимание ярко-алой помадой.

Не могу не признать – она выглядит эффектно. А еще... вызывающе и доступно.

Она фальшивая. Пустая оболочка. В ней нет души. Нет желаний. Она не умеет чувствовать и даже не представляет, что значит мечтать.

Она не только красивая кукла, которая делает то, что от нее просят, но также некий необъяснимый защитный механизм, позволяющий отгородить настоящую меня от всего, что провоцирует во мне инстинктивные реакции самозащиты.

Каждую ночь, войдя в ее роль, я перестаю упорно сопротивляться тому, что вспылчивую Николину Джеймс раздражает до зубовного скрежета, отвращает до нервной дрожи, и представляю, что моя работа – не что иное, как постановка. Театр. Кино. Что угодно, только не повседневная реальность.

«Аннабель» – просто актриса, играющая не самую приятную роль.

Но она – не я.

И никогда мной не будет.

Как всегда возвращаюсь домой с первыми лучами солнца. Квартира встречает меня гробовой тишиной и удушающей вонью грязных носков вперемешку с гниющими остатками продуктов. Задерживаю дыхание, подавляя приступ тошноты, и раскрываю окна.

Хочется сделать вид, что я ослепла, и равнодушно пройти мимо, в сотый раз проигнорировав мерзкий беспорядок, оставленный мамой с Филиппом, но вместо этого ступаю на кухню и принимаюсь за уборку, чтобы в квартире появилась возможность вдохнуть.

После очередной бессонной ночи я толком не помню, как привожу в порядок дом, скидываю с себя одежду, под мощным напором воды с остервенением смываю с тела всевозможную грязь и, даже не успев как следует насладиться мягкостью подушки, засыпаю.

Мне кажется, что прикрываю глаза буквально на минуту, когда мой сон тревожит оглушительный грохот.

Резко вскакиваю, пытаюсь сориентироваться в темном пространстве и сообразить, что вообще происходит. Судя по тому, что солнце за окном уже успело скрыться, понимаю, что проспала далеко не один час. Мой слух разрывает громкая музыка, а мощные звуковые вибрации сотрясают меня вслед за всей мебелью в комнате.

Напрочь забыв о сне, я запрыгиваю в первую попавшуюся под руку одежду и влетаю в гостиную, где встречаю Филиппа.

Нагло раскинувшись в кресле с бутылкой пива в руке, этот убудок на полной громкости наслаждается тяжелым роком. Его голова в удовольствии запрокинута назад, глаза закрыты, а небритая рожа расплывается в блаженной улыбке.

Я подбегаю к стереосистеме, которой еще с утра у нас точно не было, и, не теряя и секунды, вырываю провода.

– Что за... – рычит Филипп, но затыкается, стоит ему раскрыть свои заплывшие веки. – А-а-а, это ты. Я тебя разбудил? Прости, не хотел.

Ирония в его голосе вовсе не удивляет, а лишь до краев наполняет презрением и злобой.

– Ты в конец оборзел? Что это такое?! – указываю на музыкальный центр.

– Мой подарок, – смотрит на меня как ни в чем не бывало и делает новый глоток пива.

– Что ты несешь? Какой к черту подарок?

– Зачем так кричать? – наигранно вжимает голову в плечи и разводит руками. – Нам с Юной уже давно не хватало музыки для поднятия настроения. Сегодня мне невероятно повезло в картах, вот и решил нас побаловать. Нравится?

Ничтожество протягивает мне бутылку, словно ожидает, что я порадуюсь новой дорогостоящей покупке вместе с ним.

– Откуда у тебя деньги? – спрашиваю и из последних сил сдерживаю себя, чтобы не раздробить его тупоголовый череп этой самой бутылкой.

– Сказал же – выиграл.

– Откуда у тебя деньги на игры? Ты что, почку продал или, наконец, соизволил найти новую работу?

– Ни то, ни другое, – коротко отвечает он, продолжая испытывать мое терпение и явно наслаждаясь процессом.

– Откуда деньги?

Присосавшись к горлышку бутылки, он неотрывно смотрит на меня самодовольным взглядом, пока я буквально слышу, как остатки самообладания предательски трещат по швам.

Никогда прежде в своей жизни я ни к кому не испытывала ненависти. Неприязнь – да. Презрение – тоже. Злоба – ее в моей жизни было хоть отбавляй. Но чувство ненависти мне было неведомо. До встречи с Филиппом Гиралдо.

Если вначале я просто мечтала о его исчезновении из нашей с мамой жизни, то с каждым прожитым годом под одной

крышей с этим жалким паразитом искренне желаю ему сгинуть в преисподнюю, где день за днем с него будут сдирать шкуру и поджаривать на медленном огне. Хочу, чтобы он не просто перестал отравлять другим людям жизни, но нестерпимо страдал сам, испробовав горький вкус адских мучений.

Кажется, что я слишком жестокая? Вовсе нет. Просто меньшего он не заслуживает.

– Ты долго еще молчать будешь? Откуда, мать твою, деньги?! – все-таки срываюсь на крик.

– Ну, как откуда? Ты сама дала, *доченька*. Неужели забыла? – его тонкие губы, испачканные пеной, кривятся в лукавой улыбке, а меня передергивает от его обращения ко мне.

– Не смей называть меня так! Ты мне никто! И я точно еще не лишилась ума, чтобы дать хотя бы доллар на твои карточные игры!

– Ох, я бы не был так в этом уверен, – хитро прищуривается. – В следующий раз советую записывать в блокнот, кому и когда ты вручаешь деньги.

Что за бред он опять несет? Какой к черту блокнот? Какой еще следующий раз?

Похоже, Филипп точно поставил себе цель на сегодня вывести меня из себя и получить по пьяной роже. Я бы никогда не дала денег этой подлой мрази.

– Этот звериный рев, что ты называешь музыкой, окончательно вырвал последние крупички твоего пропитого мозга? – сжимаю кулаки, до боли впиваясь ногтями в ладони.

Спокойствие, Николь, только спокойствие. Он не стоит новой вспышки агрессии, которая вновь выжмет из тебя все соки.

– Эх, деточка, с моими мозгами все в полном порядке, а вот тебе не помешало бы принять что-нибудь для улучшения памяти.

Филипп поднимается с кресла, и меня обдает едким запахом пота, дешевого пива и сигарет.

– Разве ты не помнишь, как пришла с утра домой, и сама предложила мне деньги? Можно сказать – это ты сделала нам подарок. Теперь наши вечера будут проходить веселее.

– Ты что, ко всему прочему, еще и обкурился сегодня? С утра я пришла домой и отмывала всю квартиру, чтобы не погрязнуть в бардаке, который вы устроили, а потом пошла спать!

– Ну-у-у, это лишь твоя версия, – лениво протягивает он, плюхаясь обратно в кресло.

Что это еще значит?

Прекрасно знаю, что Филипп врет, но, не находя на то причины, начинаю прокручивать в голове туманное утро, досконально выстраивая порядок своих действий. И пусть все казалось мутным от усталости, я однозначно была в здравом уме, что лишь укрепляет мою уверенность в том, что Филипп выдумывает небылицы.

Даже если мир перевернется, я не положу и цента лично в грязные руки Филиппа! *Только если...*

Меня словно камнем к земле придавливает от внезапно-го прозрения. По широкой ухмылке отчима понимаю, что он со злорадством считывает по моему лицу поток ужасающих мыслей, что меткими стрелами одна за другой нещадно пронзают сознание.

Я срываюсь с места и несусь по узкому коридору в прихожую, где по своей неосторожности с утра оставила сумку.

Не знаю, на что еще надеюсь. Мне и так предельно ясно, что увижу, но все же продолжаю судорожно рыться в поисках кошелька, чтобы до конца убедиться в правоте своих догадок.

Этот мерзавец украл мои деньги! Не оставил и цента!

Швыряю пустой кошелек в сторону, все еще наивно полагая, что он не додумался обыскать и маленькие отделения.

Но там тоже пусто. Везде! Ничего нет!

Ни заработанных чаевых за последние смены, ни денег, что дал мне Остин.

НИЧЕГО!

Беспросветное отчаяние поглощает меня целиком и полностью, безжалостно перекрывает кислород, лишает возможности здраво мыслить. Мне кажется, на долю секунды я даже теряю сознание. Ноги отказываются удерживать вес тела, и я бессильно сползаю вниз по стене.

В сумке были все мои деньги. Все!

Я хотела их отдать владельцу дома за несколько месяцев аренды, которые мы ему задолжали.

Черт! Черт! Черт!

Когда же это все кончится?

Как я могла забыть сумку в коридоре? Я же всегда беру ее с собой и запираю комнату на ключ, прекрасно зная, что даже в собственной квартире меня могут ограбить.

Сжимаю колени, притягивая их к груди, и крепко обхватываю руками. Сижу, грузно покачиваясь, пытаюсь найти в себе силы не сдаваться и не унывать. Но где найти эти силы? Где? А другой вопрос – для чего? Для кого? Зачем я все это терплю?

Остин прав. Мне здесь не место. Я должна уехать. Давно уже должна была это сделать. Но не могу, черт подери, не могу!

Вспоминаю родное лицо мамы, и сердце рвется на ошметки. Как мне ее оставить с ним? Как? Эта мысль просто невыносима.

Сидя на холодном полу темного коридора, я рассыпаюсь на мелкие песчинки от невозможности сделать правильный выбор. Правильный именно для себя, а не для кого-то.

А этот кто-то – моя мама.

Наверное, мне никогда не объяснить, как я могу любить ту, которой глубоко наплевать на меня? И почему не прекращаю надеяться, что рано или поздно чудо непременно свершится и моя мама вернется?

В мире же случаются чудеса? Не так ли?

Непостижимые случаи спасения людей от неминуемой ги-

бели, необъясняемые природные явления, удивительные исцеления смертельно больных пациентов, истории о неслыханной удаче, которую поймал за хвост бездомный, случайно нашедший у своих ног лотерейный билет, *или самая обычная встреча со случайным незнакомцем, который магическим образом меняет всю вашу дальнейшую жизнь.*

Чудеса происходят ежедневно. На каждом углу, за каждым поворотом.

Я это знаю. Верю. Но также прекрасно понимаю, что ждать их можно долго – днями, месяцами, годами, десятками лет, и в конце концов ожидание вполне может оказаться безрезультатным.

Потратив лучшие годы своей жизни впустую, не узнаю ли я, что ждала свое чудо напрасно? Ничто не пугает меня так сильно, как этот вопрос, но маленькая семилетняя девочка, плачущая на лестничной клетке возле чердака, все еще живет во мне и день за днем не прекращает умолять подождать еще немножко. Совсем чуть-чуть. И, может быть, именно завтра нам все-таки удастся достучаться до мамы.

Наверное, я бы еще долго сидела, с головой погруженная в душевные терзания, если бы не ударный взрыв дьявольской «музыки», которую вновь врубил Филипп.

Сделав над собой усилие, я приподнимаюсь на ноги и глубоко, медленно дышу.

Все нормально. Это происходит уже не в первый раз. Я справлюсь. Обязательно справлюсь. Всегда может быть ху-

же. Уж я-то знаю.

Чтобы сдержаться в руках и не свернуть Филиппу шею, раз за разом безмолвно повторяю в голове одни и те же слова, точно успокоительное заклинание.

Я же понимаю, чего он добивается. Он хочет вывести меня из равновесия, вызвать демона внутри меня, которого с таким трудом я научилась контролировать. Для Филиппа это что-то вроде развлечения, но у него ничего не выйдет. Не сегодня. Я не доставлю ему такой радости – наблюдать, как я теряю над собой контроль.

Сохраняя молчание, я возвращаюсь в гостиную и, даже не бросив на сволоочь мимолетного взгляда, подхожу к музыкальному центру.

– Эй, ты чего это задумала? – недоуменно возмущается Филипп, глядя, как я выключаю музыку и приподнимаю стереосистему от пола.

Тяжелая махина, но подъемная.

– А ну быстро поставила обратно!

Продолжая игнорировать, заставляю его вспыхнуть от негодования.

Выкуси, Филипп, теперь твоя очередь злиться.

– Поставь обратно! Куда потащила? – он торопливо подбегает ко мне.

– Я верну это обратно в магазин! Сам сказал – я дала деньги, так что мне решать, что с этим делать.

– Еще чего! – Филипп грубо отталкивает меня, возвращая

центр на прежнее место, но я не собираюсь сдаваться, пока не выполню задуманное.

– Отойди в сторону и не мешай мне, либо я заявлю на тебя в полицию за кражу! – угрожаю я, но вместо страха вызываю в нем приступ смеха.

– В полицию? Да что ты говоришь? Ну давай! Вперед! У тебя нет никаких доказательств. Твое слово против моего, – пренебрежительно выдает он прямо возле моего лица, пробуждая желание плюнуть в его нахальную физиономию. – И ты прекрасно знаешь, на чьей стороне будет Юна. Видела бы ты, с какой легкостью она поверила моим словам о том, что ее неугомная дочка сама изъявила желание дать мне денег. Ни капли сомнения. Полное доверие своему мужчине. О такой жене можно только мечтать. Она покорная, заботливая, преданная, готовая есть с моих рук.

Слова о маме, сказанные издевательским тоном, вызывают внутреннюю дрожь. Чтобы не спустить с цепи внутренних разъяренных псов, я до крови прикусываю язык и благоразумно игнорирую его очередную провокацию. Вновь совершаю попытку подойти к музыкальному центру, но не успеваю сделать и шаг, как шершавая ладонь хватается меня за шею и с силой припечатывает к деревянному стеллажу.

– Как же ты меня достала! Никогда не можешь остановиться вовремя, – сильная хватка сдавливает горло, лишая возможности вдохнуть. – Смирись, деточка, я здесь хозяин, и ты никак не сможешь это изменить. Поэтому прекрати пор-

тить мне жизнь.

– Никогда, – ядовито улыбаюсь.

– Ты думаешь, я тебя боюсь? Не смей меня! Ты жалкая, недолюбленная девочка, которая своими тщетными попытками избавиться от меня лишь сильнее отталкивает от себя Юну.

– Мне плевать, что... что ты думаешь, – с трудом хриплю я. – А ты силь... сильней сжимай. И уда... рить еще можешь, чтобы у меня был... были доказательства.

– Какие еще на хрен доказательства?

– Засажу тебя, скотина! – шиплю и хватаюсь за его руку. – Не за кражу... так за нападение...

Его ладонь мгновенно расслабляется, но уж лучше бы он задушил меня, чем произнес следующие слова:

– Дорогая моя доченька, у меня и в мыслях не было нападать на тебя. Зачем мне вредить «золотой жилке», что приносит доход в этот дом? – он освобождает мою шею и спускает руку ниже. – Но я давно уже умираю от любопытства посмотреть, что ты там скрываешь под своим тряпьем.

Из-за дефицита кислорода до меня не сразу доходит смысл его слов, но, когда я чувствую потную ладонь под своей толстовкой, грубо сжимающую обнаженную грудь, мое тело мгновенно каменеет.

– Ого! Ничего себе, какие формы! Знал бы – давно испробовал, – шепчет он возле уха, проводя колючей щетиной по моей щеке.

От мощного выброса адреналина звенит в ушах и сдавливает горло, мне не сразу удастся закричать. Жалобно скулю и брыкаюсь, отрывая от себя руки Филиппа, но по его потемневшим зрачкам понимаю, что все мои попытки освободиться только сильнее его возбуждают.

– Отвали от меня, сволочь! Не трогай! Не смей! – наконец голос прорывается, и я истошно кричу.

– Тише, деточка, тише, успокойся. Я хочу сделать нам обоим приятно.

– Отпусти меня! Отпусти!

– Да заткнись ты! – рывкает Филипп, хватая меня за ворот толстовки, и небрежно отшвыривает к противоположной стене.

Я сильно ударяюсь затылком, но, кроме головокружения, ничего не испытываю. Никакой боли. Только ледящий страх подстегивает реакцию – бороться и бежать!

Пытаюсь вылететь из комнаты, но Филипп резко тянет меня за волосы и опрокидывает на диван.

– Веди себя спокойно и обещаю – я буду нежным. Тебе понравится.

С этими словами он наваливается на меня, и своим бедром я ощущаю выпирающий бугор из его штанов.

– Не трогай меня, Филипп! Я убью тебя! Нет! Слезь с меня! – кричу, разрывая горло до крови, но мне плевать.

Я не смирюсь с происходящим. Ни за что! Бьюсь руками и ногами, даже не разбирая, попадаю хоть раз по мужчине

или нет. И лишь когда слышу сдавленный стон, невероятно радуюсь, что так удачно получилось залепить по его вздыбленному месту.

Пользуясь возможностью, сталкиваю урода с себя, вскакиваю с дивана и от всей души загадываю, чтобы у него больше никогда не поднимались паруса.

– Сука... Тварь! – болезненно мычит он, сжимая руки на члене.

Только сейчас замечаю, что Филипп, оказывается, успел приспустить штаны. Если бы мой желудок не был пуст, меня бы непременно вывернуло наизнанку.

Порываюсь ударить насильника с ноги, но он неожиданно быстро справляется с приступом боли и хватает за щиколотку, заваливая меня на пол.

– Думаешь, так просто сбежишь от меня, деточка?

Слышу сиплый голос Филиппа позади, продолжая отталкиваться от него ногами. Следующий удар он получает по носу, и это дает мне возможность быстро подняться и побежать прочь.

– Сука-а-а! Ну все, блять! Ты доигралась! Хочешь по жесткому – значит, получишь! – несмотря на подбитые нос и яйца, Филипп резво бросается мне вслед.

– Тебе некуда бежать, деточка, и кричать тоже нет смысла. Мамы дома нет! Так что нам никто не помешает, – ехидно сообщает Филипп, с каждой секундой все ближе подбираясь к кухне, где я беспомощно мечусь по нескольким квадрат-

ным метрам в попытках найти спасение, но тщетно. Раздраженный отчим уже стоит в паре-тройке шагах от меня, норовя вновь напасть, чтобы свершить свое гадкое дело.

– Попалась, сладкая?

И все. Я больше не думаю. В один-единственный момент просто переключаюсь – выдвигаю ящик стола, не глядя выхватываю первый попавшийся нож и резко выставляю его вперед к мерзкой роже Филиппа.

– Стоять! На месте! Еще хоть шаг...

– И что ты сделаешь? Заколешь? Поцарапаешь? Не смей меня, детка. У тебя для этого кишка тонка. Завязывай ломаться и приступим к делу, это все равно случится, хочешь ты того или нет, – криво усмехнувшись, Филипп продолжает надвигаться на меня.

– Как же ты ошибаешься, мразь! – не узнаю свой голос. Глухой, бесцветный, словно всю жизнь высосали. Меня лихорадочно трясет, но нож держу уверенно, крепко, сжимая до побелевших костяшек.

– Сделаешь еще хоть шаг, и клянусь – я зарежу тебя. Не сомневайся! Знал бы ты, как давно я мечтаю об этом.

Я несколько раз полоснула ножом, разрезая тесное пространство между нами, тем самым заставив Филиппа отпрыгнуть назад и стерла с его лица тошнотворную улыбку.

– Осторожнее, детка, ты так можешь пораниться.

– Я тебе не детка, гниль ты паршивая! – с шепота мой голос срывается на леденящий крик.

– Тихо... Хорошо, хорошо, – он поднимает руки, словно сдаваясь, а в глазах зарождаются первые искорки страха. – Ты лучше нож убери.

И не подумаю!

– Только попробуй еще хоть раз прикоснуться ко мне или даже приблизиться, я клянусь жизнью матери – моя рука не дрогнет! Убью тебя на хрен!

Даже не замечаю, как из защиты перехожу в нападение. Сама сокращаю расстояние до отчима и провожу острием ножа возле его лица, заставляя вновь отступить назад.

– Николь... успокойся.

Но я пропускаю мимо ушей его слова, на сей раз сказанные испуганным голосом. Он сделал все, чтобы довести меня до невменяемого состояния, а теперь просит спокойствия?

– А может, мне не ждать и избавиться от тебя прямо сейчас? – продолжаю вилять кончиком ножа возле побелевшего лица мудака, получая неизгладимое удовольствие от всех оттенков ужаса, что мелькают в его мутных глазах.

– Николь... Что ты делаешь? Николь!

Вижу прямо перед собой гадкую рожу Филиппа, но голос его звучит где-то далеко, точно за толстым слоем стекла. Приглушенно. Невнятно. Расплывчато.

– *Всего одно движение, и у меня не будет больше проблем,* – мои губы движутся, но говорю словно не я.

– Николь, мне больно. Остановись! Что с тобой?

Всего одна капля крови, торопливо стекающая по шее Фи-

липпа, и я будто ото сна пробуждаюсь.

Боже, что со мной? Что я делаю?

Как лезвие оказалось прижатым к его горлу? Неужели я в самом деле собиралась это сделать? Собиралась его... *убить...*

Я делаю поспешный шаг назад, но даже несмотря на то, что Филипп застывает в изумлении, руку с ножом вниз не опускаю.

– Ты ненормальная, – хрипло стонет он, дотрагиваясь до продолговатой царапины на шее.

Он прав. Я не в своем уме. Вновь потеряла контроль над собой. Но это он виноват. Только он! Этот гад собирался меня изнасиловать.

Боже! Он довел меня. Я сорвалась! Только не опять!

Дыши, Николь, дыши! Прошу! Просто дыши! Ты же знаешь, как с этим справиться. Ты же можешь.

Глубокий вдох и выдох, вдох и выдох.

Но это не помогает! Я слишком заведена, чтобы так просто успокоиться. Все тело сгорает изнутри, плавит органы, кости, нервы. Мне хочется кричать, неистово крушить и разбивать все на своем пути, либо бежать без оглядки на максимальной скорости до полного изнеможения, чтобы, точно проснувшись вулкану, выплеснуть наружу все беснующееся пламя и освободиться.

Филипп нервно сглатывает и не отводит от меня взгляд, будто боится, что я вновь могу напасть. Но я больше не в

состоянии дышать одним воздухом с этой мразью. Убираю нож в карман кофты и направляюсь к выходу.

– Что это с тобой? Куда так несешься?

Как сквозь сон слышу недоуменный голос мамы, в которую сильно врезаюсь на пороге квартиры. Она вернулась из магазина с полными пакетами бутылок. Конечно, куда же еще она могла ходить? Только за новой порцией алкоголя.

Но сейчас мне плевать. Я себя не контролирую.

Мне нужно сбежать.

Ничего не отвечаю. Не могу больше говорить. Накидываю капюшон, желая спрятаться от всего мира, и вылетаю из квартиры, с грохотом закрывая за собой дверь.

Глава 6

Николина

Свежесть вечернего воздуха и встречные порывы ветра наносят по мне удары, но не помогают испытать и доли облегчения.

Бегу в неизвестном направлении, на всей скорости пролетая квартал за кварталом, и даже не смотрю по сторонам. Бегу что есть силы, пытаюсь потушить костер в душе, но он не гаснет, а лишь раздувается шире, выше и ярче.

Тело сотрясает нервный озноб, кожа нестерпимо зудит, пылает. Я все еще чувствую мерзкие отпечатки пальцев Филиппа, едкий запах немытого тела и зловонное дыхание у своего лица. Как жаль, что грязь смогу стереть только с тела, а не из воспоминаний.

Бегу, не чувствуя ни боли, ни усталости. Лишь сердце в груди скачет на бешеной скорости, вот-вот норовя вырваться наружу. Но я не имею права останавливаться, мне нужно продолжать. Другого выхода нет. Я не хочу сбрасывать злость на кого-то другого, не хочу никому вредить, как делала это раньше. Слишком отчетливо помню, какие муки совести следуют потом. Они еще хуже, чем ярость. Я больше не

могу этого допустить. Поэтому бегу, не сбавляя темпа. Бегу и даже пытаюсь заплакать, надеясь, что выпущу злость вместе с потоком слез, но ничего не выходит. Слез больше нет. Их давно уже нет. В этом вся и проблема.

Бегу, совершенно не видя дороги, нескончаемую череду жилых домов и безликих, редких прохожих. Бегу до тех пор, пока один единственный звук не вырывает меня из внутреннего пекла.

Звук, который я никогда ни за что не забуду. Просто не смогу.

Этот звук – моя фобия. Мой самый страшный кошмар, который превратил меня в то, кем я сейчас являюсь.

Я слышу протяжный звук скрежета тормозящих колес об асфальт, который много лет назад пронзил мне насквозь сердце. И лишь этот звук, словно холод самой суровой вьюги, миг гасит во мне жгучий огонь.

Я выплываю из глубин сознания в реальность за долю секунды до столкновения и чудесным образом успеваю увернуться от капота автомобиля. Свалившись навзничь на каменистую обочину, я до мяса раздираю ладони и ощущаю острую боль в правой ноге. Но какая к черту разница? Никакая физическая боль не сравнится с той, что я повторно проживаю в душе. Словно это было только вчера.

Этот звук... Это ужасающий звук. И тело папы...

Не ощущая холода земли, медленно переворачиваюсь на спину и смотрю в ночное, звездное небо.

– Выше! Еще выше! Хочу быть выше всех! Хочу быть выше всех звезд, папа!

Он подбрасывал, а я, растягиваясь всем телом, словно струна, расправляла руки в стороны и представляла, что лечу. Я не боялась упасть и разбиться. Я точно знала, что папа всегда сможет поймать меня, уберечь, защитить. Он же самый сильный из всех, кого я знала.

– Не нужно быть выше всех звезд, Николина, важнее быть ярче остальных.

Слышу отголоски его слов и задыхаюсь. Папы давно уже нет, и мне так его не хватает. Безысходность, тоска по нему и отчаяние собираются в болезненный ком. Он встает поперек горла и лишает дыхания. Но сердце... оно продолжает бешено стучать, гоняя кровь по телу и напоминая, что я все еще жива.

Да, я жива!

Боже... Не могу поверить, что по собственной вине чуть было не закончила свою историю так же, как папа!

Дыхание сбилось от продолжительного бега, голова кружится, ладони с поврежденным коленом нестерпимо саднят, но я живая и не могу сдержать глупой, счастливой улыбки. Столь редкой и искренней.

Перед глазами пролетают цветные кадры длиной в целую жизнь, но щелчок автомобильной двери и мерные, широкие шаги в мою сторону дают понять, что я лежу на земле не дольше нескольких секунд.

Немного приподнявшись, возвращаю капюшон на голову и осматриваюсь по сторонам. В какую именно часть города меня занесло – понятия не имею, но по однотипным зданиям по обе стороны дороги предполагаю, что забежала на территорию одного из городских предприятий.

– Пацан, тебе что, жить надоело?

Сажу к водителю спиной и потому не вижу его, но до неприличия спокойный мужской голос вводит меня в ступор. словно не он всего несколько секунд назад чуть не сбил насмерть человека.

Превозмогая дискомфорт в колене, я молча встаю на ноги, но сильное головокружение ослабляет тело. Сжимаю веки, ожидая нового падения, однако мужская рука грубо хватается меня за толстовку и удерживает на весу словно провинившегося котенка.

– Ты что здесь делаешь, сопляк?

От стальных нот в равнодушном голосе кожа на миг будто вспыхивает огнем, а затем покрывается морозным инеем. И желание извиниться перед водителем за свою невнимательность напрочь отпадает.

Воротник толстовки неприятно сдавливает горло, все же вынуждая меня повернуться к мужчине, чтобы попытаться его оттолкнуть, но легче было бы сдвинуть с места бетонную стену, чем массивное тело водителя. Когда понимаю, что мне не удастся его пошатнуть даже на сантиметр, я прищуриваюсь в желании рассмотреть эту тяжеленую глыбу, но и тут

удача явно не на моей стороне – из-за яркого света прожектора прямо за его широкой спиной я не вижу лица обладателя бездушного голоса.

– Оглох, что ли? Ты что здесь делаешь?

Тень раздражения проскальзывает в его словах, когда я продолжаю хранить молчание, опускаю взгляд к своим разорванным штанам и замечаю на них бордовые пятна крови.

– Вот черт! – порываюсь коснуться поврежденного колена, но хватка мужчины не позволяет согнуться, и я наконец отвечаю ему: – Я не глухая и оказалась здесь случайно, просто заблудилась.

Сжатая ладонь быстро расслабляется, немного опуская меня вниз, но в тот же миг ощутимо напрягается крупное тело мужчины. Я физически осязаю, как от него начинают лететь шипящие, невидимые искры, и мне это совершенно не нравится.

– Девчонка? – недоуменно спрашивает он и в следующую секунду срывает с меня капюшон.

Свет мгновенно ослепляет, заставляя зажмуриться. Мне требуются несколько секунд, чтобы справиться с резью в глазах и приподнять голову.

В полумраке вижу только очертания высокой фигуры и смутные детали его бесстрастного лица. В свою очередь мужчина пристально изучает меня в теплом луче прожектора, застыв в опасной близости от меня.

– Со мной все нормально, спасибо, что спросили, – не

выдержав тягостного молчания, выдаю я, желая поскорее скрыться от его глаз. – Выход найду сама, так что можете отпустить меня и ехать дальше.

– Я сам решу, что и когда мне делать.

Я думала, холоднее его голос стать не может, но ошибалась. Меня передергивает от столь низких нот.

– Хорошо, стойте здесь, сколько пожелаете, только меня отпустите, – заставляю себя говорить мягче, ведь начинаю не на шутку опасаться недоброжелательного незнакомца. Порываюсь отцепить его ладонь от толстовки, но стоит только коснуться его, как мужчина сам резко отдергивает руку, вынуждая меня покачнуться.

Нет, ну что за грубиян? Ладно я – дура невнимательная, забрела на чужую территорию и чуть не кинулась под его машину, но разве это повод быть таким резким?

Не теряя времени, разворачиваюсь и направляюсь в сторону входных ворот, но властный голос за спиной вмиг срывая тело:

– Остановилась и быстро села в машину, – это не просьба, даже не предложение, а самый настоящий приказ.

Что он о себе возомнил?

– Сказала же: я сама найду дорогу назад, – на сей раз мне не удастся скрыть раздражение в тоне.

Я продолжаю отходить от мужчины на безопасное расстояние, с каждым шагом возвращая себе способность ясно мыслить. Рядом с ним со мной происходит что-то непонят-

ное. Нечто, что меня жутко пугает.

За свою короткую жизнь я успела повстречать множество разных людей – начиная с богатых, властных, уверенных в себе посетителей «Атриума», заканчивая нищими, импульсивными и опасными преступниками Энглвуда. Но никогда еще я не встречала людей с такой мощной энергетикой, как у этого случайного мужчины. В течение всего одной минуты нашего скудного общения я с лихвой впитала в себя исходящие от него странные импульсы.

И хочу сказать – это далеко не самые приятные ощущения. словно мрачные грозовые тучи плотно сгущаются над твоей головой, пока ты беспомощно стоишь с одурманенным разумом и скованный страхом гадаешь, что тебя ждет – смертельный удар молнии или теплый летний дождь? А звук быстрых преследующих меня шагов так же дает ясно понять, что, ко всему прочему, мужчина еще и не принимает отказов.

Не успеваю сорваться на бег, как он вновь хватает меня, но на сей раз за руку. С такой силой, что уверена – после него на коже непременно останутся синяки.

– Я не привык повторять дважды, – он круто разворачивает меня к себе лицом, заставляя врезаться в крепкую грудь, обтянутую приятной тканью классической рубашки.

Вновь попав в зону его энергии, я судорожно вздыхаю, чувствуя необъяснимый трепет от излишней близости к чужому запаху кожи. Его явно дорогой парфюм почему-то не

отталкивает, а наоборот – вызывает непреодолимое желание уткнуться носом в мужскую шею и больше никогда не отстраняться.

С трудом сдерживаюсь от этого необъяснимого порыва, встряхивая головой. Леденящий страх сковывает все тело и в той же мере наполняет силами спастись. Мне нестерпимо хочется оттолкнуть мужчину, почувствовать безопасность, разойтись в разные стороны и больше никогда не встречаться. Однако у мрачного незнакомца, по всей видимости, совершенно другие планы на меня.

Не применяя излишних усилий, он ведет меня к своему автомобилю, игнорируя все мои отчаянные попытки вырвать руку из его железной хватки.

Вырываюсь, кричу, бью, царапаюсь, рычу... и мысленно поражаюсь – что же со мной все-таки не так? Как я умудряюсь так смачно влипнуть в одну проблему за другой? Как я могла забыть сумку со всеми деньгами в прихожей, прекрасно зная, с каким конченным уродом я живу? Почему мне не удалось удержаться от очередной ссоры с Филиппом, которая чуть было не закончилась изнасилованием и убийством? Как меня угораздило попасть под машину не простого жителя Рокфорда, а властного, безэмоционального, не терпящего возражений богача, который физически давит на плечи своей ядерной энергетикой и сейчас так уверенно тащит меня в свой автомобиль?

Эта сплошная череда происшествий – какая-то идиотская

насмешка судьбы? Шутка? Я должна посмеяться? Хорошо, без проблем! Я посмеюсь.

И я в самом деле начинаю смеяться. Не мысленно у себя в голове, а по-настоящему. Звонко. Безудержно. На всю улицу. От всей души. До колик в животе и боли в щеках. Меня настолько накрывает истеричное веселье, что я задыхаюсь, будучи не в состоянии выдать из себя и слова. Еще немного, и из моих глаз полились бы слезы, которых не видела уже много лет, но хлесткий, совершенно неожиданный удар по лицу приводит меня в чувство.

Прикладываю холодную ладонь к щеке, ошеломленно глядя на мужчину. Его лицо озаряет свет, и первое, что вижу – черные бездны глаз, с головой погружающие на неизведанное дно мрака. Своей таинственностью оно притягивает, завораживает, интригует, разжигает нездоровое любопытство проверить, что же там прячется в самом низу?

Никогда не могла подумать, что скажу подобное, но в этот момент я несказанно рада, что в моей жизни вполне хватает своей собственной тьмы, чтобы суметь удержаться от манящего образа мужчины.

– Ты меня ударил! – отмираю я, наполняясь оскорбительным негодованием.

– У тебя началась истерика, – сухо констатирует он. – А теперь садись в машину. Быстро, – открывает пассажирскую дверь и уже порывается затолкнуть меня силой, но во мне больше нет ни страха, ни бушующей ярости, ни желания сме-

яться. Только необходимость спастись!

Этот нескончаемый час, полный эмоциональных землетрясений, не может завершиться так. Я чудом избежала гибели не для того, чтобы сейчас покорно сесть в чужую машину, отправиться неизвестно куда и беспрекословно выполнять все, что потребует какой-то незнакомец.

– Я никуда с тобой не поеду! – набравшись смелости, шиплю я.

Вытаскиваю нож из кармана и одним порывистым движением провожу по мужскому предплечью. Я вовсе не хочу его калечить, мне просто нужно, чтобы он меня отпустил. И представьте мое удивление, когда он этого не делает.

Мужчина просто выбивает оружие из моей ладони, безразлично мажет взглядом по краснеющему на белой рубашке пятну, а затем смотрит на меня со снисхождением.

– А ты, как погляжу, совсем дикая, – в его бездонных глазах мелькают черты и капля удивления, губы расплываются в дьявольской улыбке. – Это будет интересно.

От неожиданности я цепенею, сердце стучит как барабан, разбитые ладони предательски потеют. Впервые замечаю живые эмоции мужчины и неохотно признаю, что он страшно красив. И я не побоюсь сделать акцент на слове – страшно.

Всем нутром чувствую, что нужно срочно смываться. Несмотря ни на что рискнуть и попытаться спастись, пока еще есть хоть какая-то возможность.

Интуиция подсказывает, стоит сесть в машину – и на этом конец.

– Да, будет очень интересно, – вполголоса отвечаю я. – Посмотрим, как ты справишься с этим...

Вынимаю перцовый баллончик, который с детства приучила себя держать в кармане каждой пары штанов, и без предупреждения выпускаю точную струю прямо в черные глаза, мгновенно получая долгожданное освобождение. Не теряя драгоценные секунды его дезориентации, я игнорирую сдавленную ругань мужчины и со всех ног уношусь прочь.

– Я найду тебя!

Единственное, что успеваю расслышать, скрываясь за поворотом.

Не найдешь. Просто не сможешь. Наши миры слишком далеки друг от друга.

В крови вскипает адреналин, рука горит в месте его грубых прикосновений, а колено все еще продолжает кровоточить, но я бегу, раз за разом спотыкаясь о камни, а на лице неудержимо расплывается улыбка.

Не знаю – это очередная истерика на подходе или простая радость свободе и тому, что все еще жива? Даже после всего.

Бегу быстро и как-то непривычно легко – ни красной пелены перед глазами, ни белесой дымки в голове. Точно лечу, долго не задумываясь о направлении. Ведь в моей жизни есть лишь одно место, куда я всегда могу прийти. Лишь одно место, где мне ничто не угрожает. Лишь одно – где меня

любят и ждут.

Глава 7

Остин

Вы хоть раз горели какой-нибудь идеей настолько, что отдавали все свое время, силы, знания и мысли на воплощение ее в реальность, напрочь забывая обо всей остальной жизни? Если нет, то вы меня не поймете, точно так же, как и многие окружающие меня люди.

Преподаватели не перестают повторять, что на старте своего карьерного пути для получения стабильного места работы в крупнейших компаниях в первую очередь необходимо концентрироваться на приобретении профессиональных знаний и успешном окончании университета, а не тратить время на разработку своих собственных проектов, в успех которых никто никогда не поверит. Но я лишь тактично помалкиваю и делаю вид, что соглашаюсь с этим спорным суждением, когда очередной лектор со скрежетом зубов ставит мне зачет за курсовую, которую сдаю с недопустимым опозданием.

Лара постоянно обижается и упрекает в том, что я не умею жить «моментом» и с фанатизмом зарываюсь в работу, напрочь забывая о ней. Хотя, честное слово, я стараюсь прово-

дить с моей любимой девочкой каждую свободную минуту.

Марк день за днем не устает названивать и зазывать на очередную вечеринку, отказываясь понимать, что у меня нет ни желания, ни сил, ни времени на это.

Бабушка пусть и не говорит напрямую, но ее разочарованный голос в трубке красноречиво дает мне понять, как сильно она скучает и расстраивается, когда я в очередной раз не прихожу ее навестить.

И только Никс не предъявляет никаких претензий, но лишь потому, что у нее самой нет времени на это.

Хотелось бы мне, чтобы в сутках было в два раза больше часов. Это как минимум. Возможно, тогда меня хватало бы и на все остальные аспекты моей жизни.

Хотя нет. Кого я обманываю?

Я бы просто проводил в два раза больше времени у экрана компьютера, тем самым ускоряя темп реализации своих идей, чтобы достигнуть поставленных целей и наконец улучшить свою жизнь.

Не могу сказать, что мне выпала самая тяжелая участь. Да, мать бросила меня сразу после родов, а отец – преступник, который уже много лет гниет в тюрьме, но в мире, откуда я родом, это вполне обычная история.

Жизнь в Энглвуде никогда нельзя было назвать благополучной, но тем не менее у меня всегда была крыша над головой, еда, одежда и забота самой лучшей в мире бабушки, воспитавшей меня в одиночку.

Мэган Рид – великая женщина, силе духа которой может позавидовать каждый. Именно она научила меня верить в себя, испытывать свои возможности, падать, разбиваться, вновь вставать и не сдаваться, пока не достигну желаемого.

Она дала мне все, что было в ее силах, а остального я добьюсь сам.

И я добьюсь! В этом нет сомнений.

Я уже который час кряду сижу у компьютера в своей комнате в университетской общаге, всецело окунувшись в рабочий процесс. И, наверное, я бы так и продолжал работать до изнеможения, если бы барабанный стук по двери не вырывал меня из виртуального забвения.

Вскакиваю со стула и тороплюсь открыть дверь до того, как ее успеют выбить с петель.

– Лара?

Никак не ожидал, что не на шутку разгневанным гостем окажется моя обычно нежная и милая девочка.

– Что случилось? Все в порядке?

Вместо ответа она толкает меня в плечо и, словно фурия, влетает в комнату, заполняя все пространство фруктовым ароматом парфюма.

– Все ли в порядке? Это ты мне скажи, Остин! Все ли у тебя в порядке? С головой в первую очередь, – кричит моя любимая брюнетка, даже не догадываясь, как бесподобна в гневе.

Янтарные глаза сверкают хищным блеском, брови изящ-

но сдвигаются, образуя милую складочку над слегка вздернутым носом. Нижняя губа дрожит, зазывая наброситься на нее с жарким поцелуем, а непокорные завитки черных волос не перестают метаться по худым плечам. Приталенное пальто распахнуто, открывая взору атласное платье, плотно обтягивающее ее плавные изгибы. Их вид вмиг устремляет мощный прилив крови к моему паху.

– Мы же договорились, Остин! А ты опять в своем репертуаре. Не отлипаешь от компьютера, погряз в своих системах, кодах, алгоритмах, или что там у тебя... и даже на звонки не отвечаешь! – лицо Лары краснеет от криков, а лоб покрывается испариной.

В последнее время мы часто ругаемся, но в столь свирепом состоянии, кажется, я вижу ее впервые.

– Так! Стоп! Я помню, что мы договорились обходиться без истерик. Просто выкладывай по порядку. Что я опять натворил?

– Правильно, ты запоминаешь только то, что важно для тебя! Ты даже не знаешь, что сделал. А точнее, чего не сделал! – в злостном голосе проскальзывает тень обиды. – Ты забыл о наших планах на сегодня! Заметь – о наших, а не только моих! Я тебя прождала целый час. Опять! Но плевать на это, мне не привыкать! Сегодня ты подвел не только меня!

Делаю над собой усилие, чтобы не выдать удивления. Прокручиваю в голове все возможные варианты ответов на вопрос: почему она ждала меня сегодня? Последним, о чем мы

договаривались с Ларой, было официальное знакомство с ее родителями, которое должно будет пройти во вторник вечером.

Повторно оцениваю ее внешний вид, но теперь трезвым взглядом, а не тем, что у меня так рьяно просит вырваться на волю из штанов.

На Ларе нарядное платье, выходные туфли на высоких каблуках, жемчужное ожерелье украшает ее тонкую шею, лицо покрыто более заметным макияжем, а по объемным, идеальным спиралям на ее голове неохотно предполагаю, что на прическу был потрачен далеко не один час.

– Черт! – вырывается у меня с осознанием того, что вторник, оказывается, уже наступил. А точнее, незаметно пролетел мимо моего носа. – Лара... – порываюсь подойти к ней ближе, но она выставляет передо мной руку, резко делая шаг назад.

– Не надо! Лучше стой на месте! Я знаю, чем это кончится! – заявляет моя девочка, намекая на то, каким безумием обычно завершаются наши ссоры.

– Лара... Прости... – все, что получается выдать из себя.

Ощущаю себя редкостным кретином, но что я могу сказать в свое оправдание? Его нет. Точнее, есть, но в очередной раз произнести его Ларе – то же самое, что закинуть зажженную спичку в бочку с керосином.

– Прости... Не знаю, как это получилось. Я просто поте-

рялся в днях.

Говорю же: более оригинальные слова в голову не лезут.

Кусок идиота!

– К черту твои извинения, Остин! Сыта ими по горло! Ты постоянно теряешься во времени, застреваешь в своей чертовой виртуальной вселенной, летаешь в мыслях о проекте и блестящем будущем! Я все это знаю! Но почему ты не мог хотя бы сегодня не облажаться? Хотя бы раз подумать о чем-то, кроме работы? Хоть немного пожить настоящим и вспомнить обо мне? Я думала, сегодняшний вечер для тебя важен так же, как и для меня, но, видимо, я вновь ошибалась.

– Ты же знаешь, что важен. Я же сам хотел наконец встретиться с твоими родителями. Черт! Я невероятный мудака, и ты имеешь полное право злиться. Прости меня, я все исправлю.

– В этот раз ты заставил ждать не только меня, но и моих родителей, а этого я так просто прощать не собираюсь. Я вообще думаю, что в нас нет никакого смысла, Остин, – ее крик плавно переходит в хрип, а покрасневшие глаза наполняются влагой.

Рывком подхожу к Ларе вплотную и, несмотря на ее упорные попытки оттолкнуть меня, намертво прижимаю к себе.

– Ты же так не думаешь, – обхватываю грустное лицо ладонями.

– В том-то и дело, что думаю. И с каждым днем ты лишь сильнее доказываешь, что у нас тобой ничего не выйдет.

Как бы я хотел избавиться от врожденной способности входить в эмоциональные состояния других людей и не испытывать на собственной шкуре всю горечь, что сейчас до краев переполняет Лару. Но увы, мне никак не отключить в себе сверхъестественную эмпатию, о которой, кроме бабушки и Никс, никому неизвестно.

– Не говори так, Лара. Я же сказал, что все исправлю. Мы все еще можем поехать на ужин, я извинюсь перед твоими родителями, все сам им объясню, и проблема будет решена, – успокаиваю уверенным теплым голосом, надеясь хоть немного уменьшить объем ее душевной боли.

– Да как же ты не понимаешь? Дело не только в родителях. Наша проблема в том, что я тебе не нужна, – выпаливает она и начинает плакать.

Черт! Никогда не мог терпеть женские слезы, а сейчас, когда сам являюсь их причиной, смотреть особенно тошно.

– Что за глупости ты говоришь? Ты мне очень нужна, – твердо заверяю я, стирая пальцами горячие капли на ее щеках.

Лара очень дорога мне. Не знаю, можно ли назвать мои чувства к ней сильной симпатией, влюбленностью или любовью. Никогда не вникал во все эти определения, да и, честно, нет особого желания в этом разбираться.

Я – программист-системщик, а не чертов романтик, занимающийся глубоким анализом своих чувств и эмоций. Мне с головой хватает чужих. Я же всегда руководствуюсь принци-

пом: меня либо тянет к человеку, либо нет. И все. Большему я внимания не придаю и серьезно не задумываюсь. А Лара меня непреодолимо притягивает не только своей красотой и неотразимым упругим телом, но и добротой и остротой ума, что является ее самым сексуальным плюсом.

С ней время, которого и так мало, пролетает со скоростью света – приятно, весело, а еще чертовски жарко, даже спустя несколько месяцев наших «отношений». Этот ярлык, к слову, я тоже никогда не использовал в своих непродолжительных связях с девушками. По крайней мере, до Лары. С ней все иначе, поэтому сложнее и непонятнее. И, возможно, именно это меня и цепляет больше всего. Ведь справляться с трудностями и решать непростые задачи всегда было моим самым любимым занятием.

Все, что «просто», не вызывает у меня абсолютно никакого интереса. Поэтому сейчас, буквально впитывая всю широкую палитру грусти, обиды и разочарования во мне, исходящую от «непростой» и крайне важной для меня девушки, я ощущаю себя конченным кретином в кубе, который в сотый раз заставляет ее плакать.

– Отойди, Остин, я не хочу, чтобы ты касался меня. Не хочу. Пожалуйста, отойди, – жалобно просит красавица, но я не верю ни единому ее слову.

– Я никуда не уйду, можешь даже не надеяться. Разве ты не видишь, как сильно я в тебе нуждаюсь? – шепчу я и прижимаюсь сильнее, покрывая лицо короткими поцелуями.

– Пожалуйста, не надо... – просит она, но в хриплом голосе я слышу четкий призыв об обратном и продолжаю неторопливо целовать каждый участок заплаканного лица.

Вижу ее борьбу и то, как она неумолимо проигрывает, поддаваясь моим нежным касаниям.

– Нет, Остин, я тебе не нужна, – вновь тихо повторяет глупость Лара, и больше не в силах сдержаться я накрываю ее влажные губы поцелуем. Нежным, почти трепетным, именно таким, в каком она сейчас нуждается, чтобы понять, что не права.

Каких-то пару секунд Лара упрямо противится, не отвечает, пытается вырваться, но когда мой поцелуй постепенно наращивает темп и глубину, она сдается и жалобно стонет, страстно целуя в ответ.

От вкуса ее языка и сладкого, яблочного запаха кожи сердце ускоряет темп, от возбуждения голова идет кругом, а в штанах уже давно все неудержимо кипит.

Еще ближе притягиваю ее тело к себе, одной рукой сжимаю сочные ягодички, но не жестко и резко, как того хотелось бы мне, а просто крепко, со значительной долей власти, давая понять, что ни за что не намерен ее отпускать. Второй ладонью задираю подол элегантного платья и касаюсь тонкой ткани трусов, пропитанной ее горячей влагой.

Черт!.. Это нереальный кайф! В такие моменты меня, наоборот, переполняет благодарность природе за то, какой я счастливчик, обладающий столь уникальной возможно-

стью на все сто процентов проникнуться ее возбуждением не только физически, но и ментально.

Лишь сейчас, ощущая в своих руках жар женского тела, в полной мере осознаю, насколько сильно я по ней изголодался. А не виделась вроде всего пару дней. Хотя это не точно.

– Остин... – она снова хочет что-то сказать, но я не позволяю, жадно впиваясь в ее сладкие губы. Вкушаю каждый стон, каждое слово, что она по-прежнему пытается произнести. Слегка раздвигаю ее ноги, забираюсь под крохотную полосу трусиков и вхожу в тесные объятия сразу двумя пальцами, надавливая на самую чувствительную точку, заставляя Лару вновь застонать.

Как никогда хочу сделать девушке приятно, выгнать к чертям из ее головы все ненужные грустные мысли, заменив их на те, что она никогда не должна забывать.

Она важна для меня.

Ни на секунду не выпуская ее губы из плена, продолжаю ритмично вбиваться в разгоряченную промежность, что с каждым толчком своими жаркими стенками все больше сужается вокруг моих пальцев. И одна лишь мысль о том, чтобы оказаться в этом блаженном раю другой частью тела, лишает меня последней капли рассудка.

Мне кажется, еще немного – и я бы кончил лишь от одного вида ее наслаждения, если бы сквозь густой туман похоти не уловил вновь вернувшуюся грусть. А вслед за ней по щекам Лары потекла новая порция слез.

– Эй, девочка моя, ну что такое? Прошу тебя, не плачь, – шепчу я, отстраняясь от ее губ, но не прекращаю движения пальцами. – Я же чувствую, что тебе приятно.

– Да, приятно, – тихо лепечет она.

– Тогда почему ты опять плачешь? Скажи, что мне сделать, чтобы ты улыбнулась?

– Отпусти меня, – после недолгой паузы сдавленно произносит Лара, и, несмотря на дрожь в голосе, теперь я ощущаю твердую решительность в ее словах. – И позволь мне договорить.

Не передать, каких трудов мне стоит выполнить ее просьбу, но я все же выпускаю стройную фигурку из своих рук и делаю пару шагов назад.

Я терпеливо жду, пока Лара быстро приводит себя в порядок, глубоко вдыхает, словно набираясь смелости, и наконец поднимает свой янтарный взгляд на меня.

– Я не нужна тебе, Остин, – повторяет она, моментально вызывая во мне волну раздражения.

Опять двадцать пять. Мне это уже начинает надоедать и, видимо, по моему помрачневшему лицу Лара с легкостью об этом считывает.

– Дослушай до конца, перед тем как начинать злиться. Говоря это, я не имею в виду, что у тебя нет чувств ко мне, Остин. Я и без слов знаю, что это не так.

– Тогда в чем дело? – сквозь зубы спрашиваю я, чувствуя, насколько сильно взвинчено мое неудовлетворенное тело и

весьма уставший мозг.

– Тебе не нужна ни я, ни любая другая девушка на постоянной основе. У тебя просто нет времени на это. И я не хочу быть лишней нагрузкой в твоей жизни, для которой тебе постоянно нужно ломать голову в поисках свободной минутки, чтобы провести время.

– Лара, прекрати преувеличивать. Ты так говоришь, словно мы с тобой вообще не видимся. Но все же не так плохо.

Ощущаю нестерпимую необходимость закурить, что и делаю, наплевав на строгий запрет во всех помещениях общезжития.

– Возможно, с твоей стороны это так и выглядит. Но мне тебя не хватает, Остин. Постоянно. И я понимаю, что не могу требовать от тебя отказаться от своей мечты, ведь знаю, насколько это важно для тебя. Однако и я не из тех девушек, кто будет просто смиренно молчать и терпеть, когда что-то не устраивает. Я и так слишком долго уже это делаю, а все потому, что люблю тебя.

Я подхожу к окну, стряхиваю пепел на подоконник и вновь разворачиваюсь к девушке лицом. Она стоит передо мной такая элегантная, стройная и до безумия красивая, что аж дыхание перехватывает. А еще невыносимо грустная и беззащитная. Приходится до боли напрячь все мышцы, чтобы удержать себя на месте и вновь не накинуться на нее. Но в этот раз не для удовольствия, а просто потому, что хочу заключить ее в объятия и поддержать. Хочу, чтобы она по-

чувствовала то, что я не умею высказывать словами. Однако Ларин спокойный тон голоса и искренние признания на сей раз вместо прилива тепла зарождают внутри крайне неприятное предчувствие.

– Лара, говорю сразу: мы не расстанемся, – твердо заявляю прежде, чем она продолжит свой монолог, даже несмотря на то что башкой понимаю – она совершенно права. Сейчас в моей жизни нет места отношениям, по крайней мере, таким, какие заслуживает столь идеальная девушка. Но ничего не могу с собой поделаться – эгоизм требует удержать ее рядом.

– Это не тебе одному решать, – сердито парирует она.

– Ты же должна понимать, что я не буду так много работать всегда. – выбрасываю окурок в окно и приближаюсь к ней. – Просто сейчас все навалилось одновременно, но совсем скоро учеба закончится, я получу диплом, определюсь с местом работы, и все станет легче. У меня появится больше времени.

Мои оптимистичные прогнозы вызывают ироничную усмешку на сочных губах.

– Ты хоть сам веришь в то, что говоришь, Остин? Я практически уверена, что ничего не изменится, по крайней мере, не в лучшую сторону для нас. Для тебя всегда работа будет стоять на первом месте.

– Ты не можешь знать этого наверняка.

– Но, вероятнее всего, так оно и будет.

– И поэтому ты готова все закончить уже сейчас, даже не попытавшись? – задаю прямой вопрос, заставляя Лару содрогнуться.

Очередная сокрушительная волна ее боли прибивает меня к земле, ясно давая понять, что Лара лишь пытается выглядеть сильной и полностью уверенной в своем решении. На деле, как и все девушки, она не перестает ждать и надеется, что ее остановят, не отпустят, закидают ложными обещаниями, приведут сотни доводов и найдут тысячу веских причин на то, почему мы не должны расставаться.

Но я не из тех, кто будет упрашивать и выдумывать небылицы. Я говорю лишь то, во что искренне верю сам. Держать насильно и привязывать к себе – тоже не мой вариант. Все мы свободны, даже если в «отношениях», и каждый вправе сам решать, что для него лучше.

– Так что, Лара, какой твой ответ? Мы заканчиваем все здесь и сейчас или ты готова подождать еще немного, чтобы узнать, есть ли у нас шанс на счастливое совместное будущее? – мой голос звучит чересчур небрежно, совсем не отражая внутренней тревоги.

Лара молчит и растерянно моргает, словно не она до сих пор вела разговор к печальному для нас обоим исходу.

– Отвечай, – чуть мягче требую я.

– Мне нужно подумать.

Она источает крупицу удивления, легкий испуг и сильное сомнение, что заставляя меня глухо раздражаться.

Не люблю, когда сомневаются. По мне, выбор весьма прост – ты либо хочешь быть с человеком, несмотря ни на что, либо нет, а сомнения и неуверенность разрушают все еще до начала пути, лишая нас того, что мы можем обрести, стоит лишь рискнуть и попытаться.

– Пожалуйста, дай мне время подумать, – повторяет она дрожащим голосом. И это немного остужает меня, заставляя сдерживать язык за зубами.

Шумно вздыхаю и запускаю руки в волосы, сжимая их у корней. До жути не выношу неопределенность и подвешенные вопросы, но понимаю, что все наши проблемы с Ларой исходят именно от меня, а значит – я не могу не дать ей того, что она просит.

– Хорошо. Я подожду, сколько нужно, – подхожу к ней ближе, убирая за ухо выпавший локон. – Но если ты все же решишь дать нам шанс, я больше не хочу видеть в твоих глазах сомнений. Я полностью уверен в том, чего хочу, и надеюсь, что ты тоже разберешься в себе.

Нежно касаюсь губами влажного от слез рта и на миг застываю, ловя себя на угнетающей мысли, что совершенно не знаю, будет ли у меня еще возможность ощутить тепло ее губ или именно сейчас я целую ее на прощание?

Глава 8

Остин

– Остин?! Дорогой мой, что ты здесь делаешь?

Не успеваю закрыть за собой входную дверь, как в коридоре на меня набрасывается с объятиями Мэгги. На ней, как всегда, повязан любимый цветастый кухонный фартук, а не по годам свежее лицо и руки по локоть перепачканы мукой.

– Что за вопрос? Ты что, не рада видеть своего бессовестного внука, который наконец пришел тебя навестить? – с улыбкой спрашиваю я, утыкаясь носом в пучок ее седых волос, и вдыхаю пряный и столь родной запах ягод с корицей.

– Я не просто рада! Это же настоящий праздник для меня! Новый год, не меньше!

В пышном букете ее счастья я до крови впиваюсь в острые шипы глубоко скрываемой грусти.

– Прости меня, Мэгги, – с горечью извиняюсь за то, что своими страстными желаниями добиться успеха причиняю боль еще одной дорогой мне женщине.

Мэгги прекрасно понимает, что я имею в виду, но в ответ лишь расплывается в лучезарной улыбке.

– Маленький мой, мне нечего тебе прощать. Я так рада,

что ты пришел. Только почему не позвонил заранее?

– Я звонил. Неоднократно, но постоянно было занято.

– А-а-а! Так это я, наверное, с Кэрол полдня разговаривала. Ты же знаешь эту болтушку. Если она начинает говорить, то остановить ее может только сон. Однажды слушала ее до тех пор, пока вместо слов в трубке не начал доноситься храп. Вот я знатно тогда поохотала.

– Помнится мне, я знаю еще одну такую же болтушку.

– Ой, ладно тебе! Не зря, значит, мы с этой надоедливой сорокой дружим уже столько лет.

Я снимаю верхнюю одежду и стягиваю обувь, желая поскорее оказаться в своей прежней комнате, чтобы включить проигрыватель еще со времен деда и растянуться на кровати, наслаждаясь неповторимым звучанием виниловых пластинок.

Сразу после ухода Лары в голове творилась полная неразбериха, что для меня является редкостью. И как бы я ни пытался, но так и не смог вновь сконцентрироваться на работе. Выкурил полпачки сигарет, отправился на тренировку, чтобы окончательно выбиться из сил, полчаса простоял под контрастным душем, но ничего не помогло снять с меня напряжение – ни эмоциональное, ни физическое.

Это будет звучать смешно, но, будучи человеком, который с необъяснимой легкостью справляется с эмоциями других людей, сейчас, беспокоясь о том, какой выбор сделает Лара, я совершенно растерян и полон вопросов: как мне унять в себе

эту новую гамму весьма раздражительных эмоций, которых, как мне казалось, я никогда не смогу ощутить?

Я не бесчувственный истукан. Нет. Просто когда день за днем на протяжении всей твоей жизни тебя затягивает в водоворот чужих чувств и эмоций, ты перестаешь понимать, какие из них твои, а чьи ты нагло ворует у других.

С каждой пройденной минутой после ухода Лары я начал все больше ощущать, что ей удалось затронуть именно мои чувства, а не только вызвать обычное отражение ее собственных эмоций. И чтобы справиться с новым нестабильным состоянием, мне было необходимо оказаться в единственном месте, где я всегда могу привести свои мысли в порядок и побыть с человеком, который знает, как меня подбодрить.

– Давай, проходи, милый, ты как раз вовремя. Мы уже поставили пироги в духовку. Я пойду умоюсь, а ты топай на кухню.

– Кто это вы? – недоумеваю я, но бабушка уже успевает скрыться за дверью ванной комнаты.

С неподдельным интересом иду в сторону кухни, откуда доносятся звуки готовки, громкий шум телевизора и ни малейшего эмоционального намека на то, что там кто-то находится. Однако стоит мне оказаться внутри тесной комнаты, как мое и без того требующее разрядки тело пронзает острый приступ возбуждения. Совершенно сбитый с толку, я вновь не понимаю, ощущаю это сам или невольно перенимаю от

девушки, стоящей ко мне спиной.

Она одета в мою белую майку, которая на миниатюрной фигурке больше похожа на платье, еле скрывающее впечатляющие задние формы. Влажные волосы длинными прядями спадают до самой поясицы, провоцируя меня спустить взгляд ниже к стройным ногам. А когда девушка тянется до верхней полки, пытаюсь что-то достать, и так короткая майка задирается выше, оголяя невероятно аппетитную попку.

От этого шикарного вида кипучая кровь собирается со всех уголков тела и резво устремляется вниз к мужскому центру.

Что за полуголая горячая девчонка хозяйничает на моей кухне?

Еще несколько секунд продолжаю пялиться на соблазнительную попку, фантазируя о крайне неприличных сценках с ней, а затем замечаю, что девушка все еще тщетно пытается достать нужную ей упаковку, которая вот-вот норовит свалиться с полки вниз.

Я мигом подлетаю к ней, успевая поймать пачку сахара за секунду до того, как она упадет прямо на ее светлую голову.

– А-а-а! Остин?! Мать твою! Я чуть инфаркт не получила! Ты зачем так подкрадываешься?!

От испуга она прикладывает ладонь к своей пышной груди, острые соски которой проступают сквозь тонкую ткань майки, а звонкий родной голос вмиг вводит меня в тотальный ступор.

Полный пиздец!

Я готов провалиться сквозь землю от стыда за то, что еще минуту назад представлял развратные картинки с участием сексуальной незнакомки, которая оказалась моей неугомной малышкой.

– Никс?! Какого хрена?! Это ты?! – от сильнейшего шока я срываюсь на крик, тело покрывается нервной испариной.

Как я мог ее не узнать?! Совсем мозги атрофировались? Может, и вправду нужно меньше работать?

Никс озадаченно хмурит лоб, явно не понимая, что послужило столь бурному всплеску эмоций. А я беспрерывно ищущу, куда отвести взгляд от нее и спрятать каменную эрекцию, заметно выпирающую под тканью штанов.

Я-то уже понимаю, кто передо мной стоит, а вот член, похоже, не очень.

– У тебя все лицо красное. Ты хорошо себя чувствуешь? – Никс касается тыльной стороной ладони моего вспотевшего лба, вынуждая подпрыгнуть на месте и выронить из рук сахар.

– Черт! – вновь кричу слишком громко и резко опускаюсь вниз, чтобы поднять упаковку, но то же делает и Никс. Мы сильно сталкиваемся лбами, а точнее, она щекой о мой лоб.

– А-у-у-у! – стонет она возле моего лица, вынуждая откинуться назад и врезаться спиной в холодильник.

– Аккуратней! – раздраженно возмущаюсь.

– Это ты аккуратней!

– С тобой и минуты нельзя прожить без происшествий! – я быстро поднимаюсь на ноги и отбрасываю злосчастную пачку сахара на стол.

– Со мной? Вообще-то это ты втихаря ко мне подобрался и начал без причины кричать.

– Если бы не я, ты получила бы килограммовой пачкой по голове!

– Но вместо этого получила по лицу от тебя! – она повышает голос и усердно трет место удара на покрасневшей щеке.

Вот честно, давно не помню себя таким взбешенным и неуравновешенным. Я смятен, расстроен, крайне раздражен и физически неудовлетворен, и этот ядерный коктейль при виде полуголой девчонки начал непроизвольно вырываться наружу.

Пытаюсь выровнять дыхание и до боли сжимаю кулаки, чтобы привести себя в чувство, ведь понимаю, что снова веду себя как полный мудака, срываясь на Никс.

– Прости, – на выдохе произношу я, порываясь дотронуться до ее поврежденной щеки, но в последний момент отдергиваю руку. Тактильный контакт лишь усугубит мое «приподнятое» состояние.

– С тобой все в порядке? – складывая руки на груди, Никс недоуменно изучает меня.

– Да, в порядке. Просто сегодня явно не мой день.

Отворачиваюсь от ее цепкого взгляда и соблазнительных

округлостей, наполняя себе целый стакан воды и залпом осушаю, но в горле все равно продолжает царить засуха.

– Ты даже не представляешь, как я тебя понимаю, – Никс горько усмехается.

Отследив боковым зрением, что она отходит от меня на безопасное расстояние и усаживается на шаткую табуретку, я решаюсь повернуться к ней лицом. И лишь тогда замечаю заклеенное медицинским пластырем колено и глубокие раны на обеих руках.

Моментально забывая о своих проблемах, я опускаюсь перед ней на корточки и беру ее раскрытые ладони в свои.

– Что с тобой случилось? Ты в порядке?

– Как видишь – цела и почти что невредима, – ее усталое лицо озаряется слабой улыбкой. – Удачно увернулась от столкновения.

– Столкновения?

– Да, чуть под машину не попала.

– Никс... – сердито произношу я.

Как эта девчонка постоянно умудряется попадать в какие-то неприятности?

– Да все нормально, Остин, не переживай. Мэгги приготовила свою фирменную лекарскую мазь на все случаи жизни, так что через пару дней все заживет.

– Не вижу ничего нормального! То в драки ввязываешься, то под машины попадаешь! Когда ты уже наконец станешь более осмотрительной? – сам не замечаю, как вновь повы-

шаю тон.

– Ну, во-о-от... опять начинается, – протягивает гласные она и закатывает глаза, вновь вызывая во мне желание отхлестать ее по пятой точке.

– Надо наконец самой включать голову и быть осторожней. Ты понимаешь, что ты уже не ребенок и я не могу, как в детстве, постоянно следить за тобой?

– Я-то прекрасно это понимаю, Остин, а вот ты, похоже, никогда не перестанешь видеть во мне ребенка, – недовольно, с заметной долей жесткости чеканит она. Резко вынимает руки из моих, поднимается со стула и быстро устремляется к плите.

Черт! И опять ее сочный зад сверкает прямо перед моим носом. Приподнимаюсь и отхожу к противоположной стене кухни.

Никс наклоняется вперед, заглядывая в прямоугольное окно духовки, а я опять не могу устоять и нагло пялюсь на крепкие стройные ножки.

Когда она вообще успела стать такой... женственной?

Наверное, Никс права – я в самом деле не осознаю, что она уже не та маленькая девочка с испуганными синими глазами-океанами и грустной улыбкой на милом лице, которую я встретил много лет назад у чердака.

До сих пор помню, как, выйдя покурить, совсем случайно расслышал сдавленные всхлипы. Я не хотел подходить, ибо мне и так с лихвой хватало пропускать через себя чужие

переживания. Однако в тот день меня повело подняться на верхний этаж откровенное любопытство. Я хотел убедиться в том, что я почувствовал. А точнее, чего не чувствовал.

Если вновь говорить о «непростом» в моей жизни, то Ни-колина Джеймс в этом списке занимает почетное первое место. Не только потому, что эта девчонка – ходячая катастрофа, обладающая необычайным талантом создавать проблемы и беспрерывно попадать в неприятности, но и потому, что она – единственная из всех людей, эмоции которой я не ощущаю.

Совершенно.

Каждый раз, пытаясь прорваться сквозь ее невидимую защиту, чтобы уловить хоть намек на какую-то эмоцию, я словно лоб о бетонную стену разбиваю. Ничего не выходит. Я не могу считать ничего больше, кроме того, что она сама проявляет на лице, в движениях тела и звуках, что произносит.

С ней я обычный.

Простой человек без особого дара природы.

Как она это делает, мне до сих пор непонятно, но факт остается фактом – Никс для меня эмоционально непробиваема, и я никак не могу это изменить. Это одновременно и раздражает, и восхищает.

– Так что ты тут делаешь, Остин?

Из мыслей меня вытягивает вновь обретенное спокойствие в ее голосе.

– Я что, просто так домой прийти не могу? – небрежно

пожав плечами, достаю из кармана штанов пачку сигарет и закуриваю.

– Конечно, можешь, просто Мэгги сказала, что ты здесь совсем не появляешься.

– Решил сделать ей приятный сюрприз, – сухо отвечаю, наполняя легкие никотином. – Другой вопрос – что здесь делаешь ты... в таком виде? – добавляю я, стараясь смотреть куда угодно, только не на нее.

– У меня ничего нового. Опять поссорилась с Филиппом, выбежала из дома, чтобы не убить его, и чуть не попала под машину. Всю одежду кровью испачкала, а домой возвращаться совершенно не хотелось, вот я и пришла к Мэгги. Сам знаешь, мне больше некуда идти.

Да... И вправду вполне обычный вечер Никс, но от ее слов в груди все нестерпимо сжимается, а упоминание о Филиппе действует на мое раздраженное состояние как допинг. Хочется подняться на несколько этажей вверх и выбить с концами всю дурь из морального уroda.

Но ему сегодня несказанно везет. Мое внимание вновь перемещается на ноги Никс. На сей раз потому, что на коленном пластыре начинает проступать кровь.

Никс отслеживает мой взгляд, и только тогда до нее доходит, что ее зад ничем не прикрыт. Она шустро натягивает майку ниже, слегка заливаясь румянцем.

– Прости, я осмелилась покопаться в твоём шкафу. Надеюсь, ты не против? – невинно спрашивает она и перекиды-

вает копну не до конца высохших волос на одно плечо, вынуждая мой член напрячься сильнее, если это вообще еще возможно.

Да что же это такое? Это же Никс! Никс! Моя маленькая буйная девочка. Она же мне как родная сестра. Похоже, слезы Лары, остановившие меня еще в самом начале приятного процесса, не на шутку раздражили и вконец выбили меня из колеи. Другого объяснения столь бурной реакции на Николину я не нахожу.

Да, сейчас она выглядит совсем не так, как обычно в своей мешковатой, немного пацанской одежде, но это же все равно она. Все та же Никс! Не так ли?

Так. Тогда какого черта у меня никак не получается остудить себя? Я вынужден сесть на стул и опереться локтями на колени, чтобы скрыть неугомный бугор.

– А штаны в шкафу, что ли, найти не смогла? – недовольно цежу я.

– Смогла, но я в них утонула бы. Да и колено не хотела лишний раз задевать. Я же не знала, что ты сегодня заваляешься сюда... в таком расположении духа.

Знал бы, что увижу здесь, точно не пришел бы. Хотел, называется, расслабиться и поднять настроение, а в итоге поднялось лишь то, что разрывает от напряжения все тело.

– Что случилось, Остин? – со всей серьезностью интересуется Никс, делая шаг ко мне, но тут же останавливается, замечая излишнюю скованность в моем теле. – Ты сам не

своей. Я могу чем-то помочь?

Мысленно я громко смеюсь, представляя вид ее помощи, который мне сейчас так необходим, на деле же мне ни хрена не до смеха. Я с силой сжимаю во рту сигарету, жадно затягиваясь дымом, словно надеюсь найти в нем успокоение.

– Может, ты заболел? У тебя лицо то багровеет, то бледнеет как мел. Давай температуру померим, – встревоженно предлагает она и вновь порывается коснуться моего лба, но я весьма грубо отмахиваюсь от нее.

Она застывает в изумлении, а в глубоких океанских глазах всего на миг проявляется холод, а вслед за ним ярко вспыхивает синий огонь, который мне приходилось видеть уже не раз.

Она злится и крайне недоумевает. Для этого не нужно уметь «чувствовать», чтобы понять.

– Просто утомился. Не переживай.

– Ты много куришь, Остин, – с укором отмечает Никс, глядя, как я достаю еще одну сигарету.

– Собралась читать мне лекцию о вреде курения?

– Нет, читать нравоучительные лекции – это по твоей части, но если тебе плевать на свое и мое здоровье тоже, хотя бы подумай о Мэгги. Она сейчас выйдет из душа, а вместо сладких ароматов выпечки окажется в едком клубе табачного дыма.

После этих слов она подходит ко мне вплотную, грубо вырывает сигарету изо рта и выбрасывает ее в окно.

– Ты охренела?! – резко вскакиваю, напрочь забывая о своей «проблеме», готовый одним лишь взглядом испепелить наглуую девчонку. А она с тем же вызовом смотрит на меня. – Ты выбрала совсем не подходящее время, Никс, чтобы лишний раз проверять мои нервы на прочность.

– Ты что, не с той ноги сегодня встал?

– Я и не ложился, поэтому, как обычно, спокойно терпеть твои выходки не буду.

– Я еще даже не начинала! – продолжает заводить меня маленькая стерва.

– Вот и не начинай! Иначе я тебя... – до крови прикусываю язык, чтобы удержать свои грязные мысли: придушить ее на месте, но перед этим нагнуть над кухонным столом и жестко отыметь до ее блаженных криков.

От одной лишь картинки об этом мне до одури хочется вмазать себе по лицу, чтобы наконец очнуться от возбужденного дурмана.

Никс даже не представляет, о чем я сейчас думаю, но, судя по тому, что буря в ее синих глазах постепенно стихает, она чисто интуитивно ощущает – со мной что-то не так.

– Остин, неважно, что у тебя случилось. Если не хочешь, можешь не говорить, но я уверена – все будет хорошо, – с искренним сочувствием проговаривает она, вынуждая меня застыть на месте. – Но если вдруг захочешь поговорить, то не забывай, что я всегда рядом. Я с тобой, – она поднимает руку к моему лицу и касается щеки.

От контакта с ее прохладными пальцами по коже неожиданно пробегает тепло. Оно согревает нежностью, умиряет приступ раздражения и приглушает горечь сожаления о том, что, вероятней всего, между мной и Ларой все уже кончено. И только жажда проникнуть в Никс никуда не исчезает, а лишь наоборот, пробуждает животный инстинкт – без раздумий о последствиях удовлетворить физическую потребность, просто чтобы не сдохнуть от похоти.

Цинично ли это – страдать от моральных переживаний из-за одной девушки, в то время как на грани возбужденное тело сторает от желания к другой?

Возможно!

Но я никогда не говорил, что я хороший и правильный. К тому же я всего лишь мужчина. И сейчас, к слову, крайне неудовлетворенный мужчина, которого Вселенная словно нарочно решила подразнить, чтобы проверить мою стойкость на прочность.

Между нами считанные сантиметры, а Никс продолжает поглощать меня своим глубоким взглядом, позволяя разглядеть в синеве ее глаз что-то до сих пор невиданное, что окончательно лишает меня здравомыслия.

Она порывается меня обнять, но я не могу позволить ей этого сделать. Стоит ей плотно прижаться к моему телу, и знаю точно – меня не остановят ни ее сопротивления, ни бабушка, которая в любой момент может выйти из ванной.

Я крепко сжимаю руки на ее тонкой талии, отчаянно бо-

рять с искушением содрать с нее эту жалкую майку, мешающую мне рассмотреть все, что она так тщательно скрывает под своими бесформенными слоями одежды.

Не знаю как, но я удерживаю себя и тело Никс на расстоянии своих вытянутых рук. Остатками разума понимаю – мне нужно срочно бежать, но возбуждение ни в какую не позволяет мне выпустить Никс из мертвой хватки.

Это точно зверски мучительная пытка, разрывающая меня пополам. Не в силах больше смотреть в столь родное лицо и терпеть на себе ее томный, незнакомый мне взгляд, я то ли рычу, то ли скулю и просто склоняю голову на ее плечо.

Закрываю глаза и жадно вдыхаю воздух, которого мне с каждой секундой все больше не хватает. Пытаюсь подумать о чем-то крайне неприятном, остужающем мой пыл или отвлечься на назойливый звук телевизора, но все безрезультатно. Слышу лишь бойкий стук пульса в висках и словно вылетаю из реальности, вдыхая запах своей майки, насквозь пропитанной *ее* свежим женским ароматом.

– Остин... – Никс не говорит, а болезненно стонет и проводит рукой по моим волосам, сжимая их в районе затылка.

Блять. Ну что же она делает? Ни хрена мне не помогает.

– Остин...

– Заткнись, – с надрывом хрипло выдыхаю, не узнавая своего голоса.

Одну девушку сегодня я уже отпустил и совсем не уверен, что мне хватит сил сделать это еще раз.

Скажет еще хоть слово – и я не сдержусь.

Нет слов! Сука... Что со мной происходит? Я просто схожу с ума от пожирающего меня желания взять ее прямо здесь и сейчас.

– Ты меня раздавишь, – жалобно стонет она, напоминая, что я слишком сильно сжимаю ее талию, но я больше не слышу ее слов.

Не хочу. Пошло все на хуй!

– Ну что, сладкие мои, пироги уже готовы? – восторженный голос Мэгги в коридоре, словно гулкий звон колокола, разбивается в моей голове и останавливает меня за долю секунды до того, как я собираюсь сделать решающий шаг и прыгнуть с крутого обрыва.

Мы с Никс одновременно вздрагиваем и резко отстраняемся друг от друга, когда Мэгги с баннным полотенцем на голове входит в душную кухню, из которой, как мне кажется, высосали весь воздух.

Я пребываю в таком страшном возбужденном потрясении, что в голове впервые в жизни нет вообще ни одной мысли. Ничего. Тотальная пустота, но в то же время невообразимый хаос.

– Я в душ, – быстро сообщаю я и вылетаю из кухни, даже не узнав ответа, готовы ли там их хреновы пироги.

Кто готов – так это я. Причем уже давно, и если я сейчас же не разряжусь, то снесу под ноль не только кухню и квартиру, но и весь гребаный Энглвуд.

Глава 9

Остин

В детстве у нас троих была своя добрая традиция. Каждый субботний вечер мы проводили вместе у меня дома. Бабушка запекала свое фирменное мясное рагу, а на десерт – ягодный пирог, стойкий аромат которого потом еще пару дней витал в квартире. Никс, без остановки танцуя под музыку, помогала ей с готовкой и накрывала на стол, а я занимался выбором настольных игр и брал в прокате фильмы ужасов, во время которых мы с бабушкой неудержимо смеялись с того, как истошно визжит Никс на каждом страшном моменте.

Ничего сверхоригинального: простой, но невероятно вкусный ужин, стандартные, всем известные игры, фильмы без особо захватывающего сюжета, но почему-то именно эти субботние вечера я до сих пор вспоминаю с теплым трепетом в душе.

И на первый взгляд в эту самую минуту кажется, будто все точно так же, как было тогда: мы снова вместе, за окном царит та же вечерняя тьма, мы в той же скромной квартире, в тесной кухне, на столе тот же ягодный пирог, и даже запах родного дома со смесью сладкой выпечки заставляет пове-

ритель, что время ничего не изменило.

Но это не так.

Оно изменило нас.

Сидя за столом и ожидая, пока Мэгги разложит по тарелкам горячий пирог и заварит чай, я украдкой наблюдаю за девушкой, чьи изменения произошли настолько тихо и незаметно, будто в тайне от других, что сейчас, четко оценивая их масштаб, меня повергает в шок – как можно было раньше не заметить столь кардинальных перемен той, что всегда была прямо перед моим носом?

Быстрая мастурбация в душе помогла мне успокоиться и вернуть себе ясность мыслей. Пусть ненамного, но мне стало легче, и теперь я способен вести себя адекватно и спокойно вступать в диалог. По крайней мере, я был полностью уверен, что хотя бы сегодня без лишних проблем справлюсь с компанией Никс, в присутствии которой теперь мое тело решило отделиться от мозга и жить своей собственной жизнью.

– М-м-м... – откусывая первый смачный кусок пирога, Никс протяжно стонет и в наслаждении прикрывает глаза, а кремовая начинка тягучей каплей сползает с ее губ на подбородок.

Мне кажется, от этой сцены я забываю даже свое собственное имя, а член всего за миг пробуждается до полной готовности, словно не он еще несколько минут назад добирался до финиша.

– Вот это страсть!

Слышу слова Мэгги словно сквозь вату.

– Что? – с трудом отрываю взгляд от Никс, обращая все внимание на бабушку.

– Говорю: девчонка наша ест с такой страстью, аж приятно смотреть! – поясняет Мегги, закидывая кусочек пирога в рот. – Никогда не понимала, как можно отказываться от сладкого? Это же такая радость жизни – просто пальчики оближешь!

Что в подтверждение бабушкиным словам и делает Никс, слизывая начинку с каждого пальца.

Да это просто издевательство какое-то! Она что, специально это делает, чтобы окончательно добить меня?

Я нервно сглатываю и чувствую, как кровью наливается не только член, но и мое лицо.

– А ты чего не ешь, дорогой? Хорошо себя чувствуешь? Ты сегодня какой-то странный, – бабушка взволнованно касается моего лица.

– Все нормально, видимо, немного переработал.

– Ох, милый мой, мне кажется, тебе стоит немного умерить свой пыл. Боюсь, что такими темпами ты можешь скоро перегореть.

– Не переживай, мне просто нужно поспать, – сказав это, осознаю, что сон в самом деле может стать решением капитального бардака в голове. – Мэгги, я пробуду у тебя завтра до обеда, поэтому у нас еще будет возможность провести время вместе, а сейчас я, пожалуй, и правда пойду отдохну.

– Но ты же совсем не поел, – огорчается бабушка, тут же получая от меня поцелуй в макушку.

– И об этом не волнуйся, я не голоден. Но завтра обязательно попробую твой пирог.

– Мой еще в духовке, а этот Николина готовила, даже несмотря на свои израненные руки.

Слова Мэгги вынуждают виновато посмотреть на Никс, но по ее лицу мне ничего не удастся прочесть. Она смотрит на меня обычным взглядом, словно между нами и не было напряженного неловкого момента. Или, может, только мне наш эпизод на кухне казался невыносимым?

Поняла ли она, что там со мной произошло? Ощущает ли сейчас, что со мной творится? Если да, то что чувствует и думает по этому поводу? Считает меня озабоченным отморозком, которому мало других девушек и теперь он решил залезть в трусы почти что к своей сестре?

Об ответах на все эти вопросы мне остается лишь гадать. Но не сегодня. Не сейчас.

– Все в порядке, Мэгги, пусть идет отдыхать. Он в самом деле неважно выглядит, а пирог мы ему оставим, – произносит Никс, словно меня уже нет в комнате, и жадно впивается в очередной кусок выпечки.

Будучи не в состоянии больше смотреть на ее «невинное» поедание десерта, я скрываюсь в своей комнате и делаю именно то, о чем мечтал в самом начале, – включаю проигрыватель и раскидываюсь на кровати. Хотя теперь я не уве-

рен, что это поможет мне достичь желаемого расслабления. Как, впрочем, и глубокого сна.

Теплое ламповое звучание виниловой пластинки все еще продолжает ласкать мой слух, когда в кромешной темноте мне удастся расслышать тихий звук открывающейся двери, мерное дыхание, осторожные неторопливые шаги, а вслед за ними сильный стук о деревянную ножку кровати и сдавленный болезненный стон.

Включаю прикроватный светильник и вижу вполне свойственную для Никс картину: она неуклюже скачет на одной ноге, а вторую усердно массирует, явно пытаясь унять острую боль от удара.

– Ну и что ты делаешь? – приподнявшись на локтях, устало спрашиваю я, но теперь уже без капли раздражения.

Пара часов отдыха в одиночестве под любимые песни значительно успокоили нервы и распутали весомую часть клубка информации в моей голове. А тот факт, что Никс додумалась наконец накинуть на себя халат Мэгги, в разы облегчает мне общение с ней.

– Я оставила здесь пластыри и лечебную мазь, а мне перед сном еще раз нужно обработать раны, – сквозь жалостное мычание говорит она.

– А почему свет не включила?

– Не хотела тебя будить.

– И что, не разбудила? – произношу с напускной суровостью и наблюдаю за уникальным моментом, как Никс, продолжая стоять на одной ноге, теряет равновесие и с грохотом падает на пол.

Роняю голову обратно на подушку, раздражаясь беззвучным смехом. Вот эта сцена уже больше похожа на мою обычную Никс.

– А-у-у-у! – произносится сквозь такой же тихий хохот.

Продолжая задыхаться от веселья, встаю с кровати и направляюсь к ней.

– Такими темпами, Никс, уже к двадцати одному году на тебе не останется ни одного живого места.

Она лежит на полу в шерстяном бабушкином халате и продолжает справляться с болью, а я никак не могу унять раскатистый смех.

– Тихо! Хватит ржать! – шикает малышка, прижимая палец к губам. – Ты сейчас Мэгги разбудишь.

Мой приступ смеха немного угасает. Я хватаю Никс за руки и рывком поднимаю вверх.

– А-у-у-у, – вновь стонет она.

– Что такое? Нога? – бросаю взгляд на колено. Кровь уже насквозь пропитала пластырь.

– Нет, ладони, – Никс попеременно дует на раны на обеих руках. – Наверное, на мне уже нет ни одного живого места, – устало выдыхает она, но глаза по-прежнему светятся

озорными смешинками.

– Как ты вообще умудряешься быть столь неуклюжей по жизни и одновременно умеешь так грациозно танцевать?

Не могу найти причины, но даже в приглушенном свете ночника мне удается заметить, как Никс бледнеет.

– Ты в порядке? – озадачиваюсь и вновь сдерживаю себя от порыва коснуться ее лица.

Я всегда так делал и до сих пор не видел ни капли неловкости в столь невинном жесте, но сегодня я не на шутку удивлен реакцией своего тела и потому до конца не понимаю, как мне следует теперь себя с ней вести.

– Да, все нормально, просто нужно раны обработать, – нервно сглатывает Никс.

Что же в моих словах ее так сильно испугало? Или это я ее пугаю?

Черт, как же бесит, что я ее «не ощущаю».

– Ладно. Давай, садись, – нарушив несвойственное нам неловкое молчание, я подвигаю ее к краю кровати, а сам осматриваю комнату. – Где там твоя мазь?

– На подоконнике. Найдешь по запаху.

Подхожу к окну, где стоит стеклянная банка с вязкой масляной отвратительного болотного цвета, и сразу понимаю, о чем говорит Никс.

– Боже, только не это, – теперь стонать начинаю я, еще с детства помня пахучий запах бабушкиной целительной мази.

– Да, да, именно она. К выходным мне нужно вернуться

на работу. И так пришлось взять отгул на несколько дней, так что выбора у меня нет – надо мазать.

– Выбор есть всегда, Никс. Может, это хороший повод бросить работу в клубе? – вновь начинаю старую балладу, но в этот раз стоит мне только подумать о том, что Никс каждую ночь танцует перед сотнями чужих глаз, виляя своим сочным задом, я ощущаю, как десятки острых иголок вонзаются в грудную клетку.

Я никогда не одобрял ее работу в клубе, но сейчас она меня прямо-таки бесит. Даже не сразу замечаю, как от внезапно вспыхнувшей злости чересчур сильно сдавливаю банку в руках.

– Я не хочу, чтобы ты там работала, – твердо заявляю я до того, как успеваю обдумать.

Но Никс смотрит на меня совершенно спокойно. Мои слова ее нисколько не удивляют, так как слышит их далеко не в первый раз.

– Я тоже много чего не хочу, Остин, но есть такое слово «надо», – ровно отвечает она и тянется к зловонной банке в моих руках.

– Не трогай, я сам, – открываю крышку и еле сдерживаю слезы от едкой вони.

Вот оно – лучшее лекарство. Не только от ран и ушибов, но и от каменного стояка и ото всех ненужных мыслей.

– Раскрой ладони, – требую я, пытаюсь не дышать, и Никс сразу же выполняет.

Медленно, стараясь не причинять лишней боли, я покрываю мазью порезы на ее руках, обильно смазывая места, где полностью стерта кожа.

Сколько раз за долгие годы нашей дружбы я точно так же смазывал ее синяки, царапины и другие побои? Не сосчитать! Но почему-то сейчас я чувствую себя будто не в своей тарелке, словно делаю это в первый раз с совершенно другой Николиной, которую совсем не знаю.

– Очень больно? – спрашиваю, заметив, как она покусывает губы.

– Нет. Все могло быть гораздо хуже, – тихо отвечает, вынуждая сердце встревоженно ускорить темп.

– Никс, прошу тебя, будь осторожней, – прочищаю горло, пытаюсь подобрать нужные слова. – Ты права, возможно, я не совсем осознаю, что ты уже выросла и можешь сама за себя постоять, но это не изменит того факта, что я никогда не перестану за тебя волноваться.

Она тяжело вздыхает, обдавая меня ягодным ароматом пирога. Он не только исходит от ее сладкого дыхания, но и успел пропитать всю ее одежду и волосы. Такие нежные, точно шелк, волосы, словно созданные, чтобы в них зарыться носом и бесконечно наслаждаться их особенным запахом.

Сколько раз я и это делал? Вдыхал его, пока распутывал густые пряди, которые она постоянно умудрялась испачкать чем-то липким? Просыпался утром, усыпанный облаком ее белокурых волос, когда Никс оставалась у нас на ночь после

очередной ссоры с Филиппом? Целовал в макушку? Обнимал? Прижимал к себе, когда успокаивал?

И почему я все равно не помню ее запаха? Точнее, не того, что она источает сейчас. Не родной запах моей маленькой девочки-загадки. Совсем другой. Незнакомый. Но до безумия приятный. Стирающий из мозга тот исходный файл, что всегда позволял мне видеть в ней младшую сестренку.

– Николина... Ты прости меня за... ну, за то, что я был так резок на кухне, – неохотно завожу волнующую меня тему.

– А ты был резок? – испытывающий взор синих глаз, подобно клинку, рассекает воздух и меня вместе с ним.

– А разве не был?

– Я бы сказала, ты скорее был слегка... возбужден.

Мне кажется, никогда в жизни я не испытывал такого жгучего стыда. Я с каждой пройденной секундой все больше ощущаю, как предательски стораает кожа моего лица, и даже представлять не хочется, какого оно цвета.

И почему я наивно надеялся, что она могла не заметить?

Затаив дыхание, Никс ждет объяснений, а у меня все слова перемешиваются в кашу и наглухо застревают в горле.

– Э-э-э... – пытаюсь прокашляться в надежде облегчить себе задачу. – Не знаю, что на меня нашло, Никс, не знаю, что даже сказать... – *Прекрасное начало.* – Мне так стыдно, я совсем не хотел...

– А мне показалось, что очень даже хотел, – сдержанным голосом перебивает Никс, чем лишь усиливает мою нервоз-

ность.

Как она это сейчас делает? Так умело скрывает эмоции. И я не про ту «невидимую стену», что мне никак не удастся пробить, а про то, как ни один мускул на нежном лице не выдает ее состояния, а ровная интонация голоса вынуждает лихорадочно гадать. Она злится? Поражается? Втихаря смеется надо мной? Или обижается? А может, ей так же неловко, как и мне?

Черт бы ее побрал! Это невыносимо!

– Никс, Бога ради, ты только не подумай ничего... – стираю проступившую нервную испарину со лба. – Я бы никогда... Черт! Не могу понять, куда смотрел, но я тебя сначала не узнал. И...

– А потом что?

Вот же блин! Что я там говорил о том, что люблю все «непростое»?

Глубоко вздыхаю и, справляясь с до сих пор неведомым мне смущением, беру себя в руки.

– Потом ничего! Ты же знаешь, что я бы никогда ничего с тобой не сделал. Я просто был не в духе, немного крыша поехала, а ты попала под руку и... в общем... можешь об этом просто забыть? Пожалуйста. Такого больше не повторится. Обещаю, – с невероятным трудом наконец выдавливаю из себя слова и лишь тогда ощущаю, как напрягается ее тело, при этом лицо по-прежнему не отражает ровным счетом ничего.

– Можешь не переживать... Я все понимаю, – почти шепотом говорит она, окатывая меня взрывной волной мурашек.

– Я тебя все-таки обидел? – мой вопрос звучит скорее как утверждение.

Никс тут же перехватывает мои испачканные мазью пальцы и крепко сжимает своими, в этот раз пронося сквозь меня не уютное тепло, а мощные электрические разряды, что удар за ударом вышибают весь дух из меня.

Говорю же: мое тело больше неподвластно мне. Не могу ни найти объяснений подобной реакции, ни взять ее под контроль.

– Ты не обидел меня, Остин, у каждого бывают плохие дни, – вполголоса говорит она, глядя на меня своим нежным морским взглядом. – Мне ли этого не знать? На меня же тоже, бывает, находит какое-то умопомрачение, да и по сравнению с моими приступами гнева ты сегодня был просто душкой, – грустная улыбка касается ее губ, и я еле справляюсь с желанием прижаться к ним, чтобы узнать их вкус.

Встряхиваю головой, сбрасывая секундное наваждение.

Как я могу думать о таком, когда все еще переживаю о решении Лары? Да и это же Никс! Никс!

Раз за разом повторяю в голове ее имя, словно отрезвляющую мантру.

– Что опять сделал Филипп? – намеренно меняю тему на менее приятную, но способную быстро разрядить накалившееся напряжение между нами.

– Не хочу об этом говорить, – голос Никс превращается в сталь, в печальных глазах вновь вспыхивает пламя, и я начинаю жалеть о заданном вопросе.

– Как скажешь. Проехали, – угрюмо сворачиваю разговор, совершенно не представляя, что еще мне у нее спросить.

Мы всегда могли говорить без умолку часами, так почему сейчас в моей голове звенящая пустота?

Осматриваю Никс блуждающим взглядом, будто надеясь найти в ней ответ, и вдруг застываю, когда случайно замечаю на ее предплечье темные следы. Наплевав на то, что мои руки измазаны вонючей мазью, резко закатываю рукав халата и рассматриваю ближе, чтобы убедиться, что мне не показалось.

– Это что еще такое?! Это он с тобой сделал?! Из-за этого ты убежала? – взрываюсь жгучей яростью, уже собираясь сорваться с места и разбить в пух и прах морду этой редкостной мрази. Однако Никс останавливает меня, ловко хватая за майку.

– Стой! Успокойся! Это не Филипп со мной сделал.

Ее слова должны были меня успокоить, но взбесили еще больше. Если не он, то кто еще посмел прикоснуться к ней так? Кто вообще посмел к ней прикоснуться?!

– Кто это? Скажи, и я убью его, – злобно шиплю я, до боли сжимая кулаки.

– Я не знаю его.

– Что значит «не знаешь»?! Кто это сделал?!

– Говорю же: не имею понятия!

– Ты надо мной издеваешься? У тебя синяки на всю руку, а ты не знаешь, кто тебе их поставил? Кого ты покрываешь? Это Марк?! Опять с ним что-то не поделили? – выдаю первое, что приходит на ум. – Я ему все мозги выбью за это. Предупреждал же, чтобы даже не смел тебя трогать.

– Господи, Остин, да успокойся ты и заткнись хоть на секунду! Марк ничего мне не сделал. Этот говнюк со мной не справится. Я не знаю человека, который схватил меня. Это был водитель.

– Какой еще на хрен водитель?!

– Как какой? Тот, что чуть не сбил меня сегодня. Я не знаю его имени. Да и он просто неудачно схватил меня, когда поднимал. Успокойся уже!

Красная пелена спадает с глаз сразу же, как я замечаю болезненное выражение ее лица. Оказывается, все это время Никс приходилось упорно удерживать меня за майку, игнорируя боль в ладонях.

– Никс... – виновато отцепляю ее руки от майки, разворачивая ладонями вверх.

Она стерла с кожи всю мазь, отчего раны начали кровоточить еще сильнее.

– Прости.

Сколько раз за сегодня я уже извинялся? Перед тремя самыми любимыми женщинами.

Видимо, я на что-то способен только в компьютерной все-

ленной, в жизни же – неадекватный мудака. По крайней мере, сегодня так точно.

– Со мной все нормально, а вот тебе я всю майку этим дерьмом испачкала, – чтобы разрядить обстановку, с приторным раскаянием сообщает Никс, указывая на коричневые разводы на груди, от зловонного запаха которых хочется сдохнуть.

– Я заслужил, – не сдерживаю усмешки и делаю то, что хочу сделать уже целый вечер.

И нет, это вовсе не то, о чем вы могли подумать.

Я делаю то, что делал уже сотни раз, но сейчас ощущаю, будто все происходит впервые. Я просто крепко прижимаю мою маленькую девочку к себе и нежно обнимаю, утыкаясь носом в ее белокурую макушку и вдыхая свежий запах весеннего дождя.

Да... именно так она пахнет...

Теперь я точно этого не забуду.

Глава 10

Николина

Если бы, проснувшись сегодня, я знала, что вместо очередной ночи в окружении похотливой публики «Атриума» я буду сгорать от выразительного взгляда единственного мужчины, которому хочу всецело себя отдать, то сначала бы я просто не поверила, а затем однозначно потеряла бы от счастья рассудок.

Хотя я его и потеряла, только чуть позже, и вовсе не от счастья.

Сегодня я растворялась под завораживающим прицелом зеленых глаз, в которых впервые пробудилось нечто взаимное, что-то нереальное, но столь долгожданное, что прежде видела лишь во снах.

Этот незнакомый взгляд заставил меня поверить и горько обмануться в том, что Остин наконец-то меня *увидел*. Но увы, это был всего лишь мираж. Поистине сказочный и столь беспощадно жестокий.

Всю свою жизнь я была девочкой-проблемой. Настоящим человеком-косяком. Мне не вспомнить всех раз, когда я билась, царапалась, спотыкалась, падала и ввязывалась в драки,

покрывая свое тело множественными ушибами, глубокими порезами и синяками.

Я в самом деле знакома с огромной палитрой всевозможной боли, и сейчас с уверенностью могу сказать, что ни одна из них не сравнится с той, что сломала меня пополам, когда Остин сказал мне это:

...Ты же знаешь, что я бы никогда ничего с тобой не сделал. Я просто был не в духе, немного крыша поехала, а ты попала под руку и... в общем... можешь об этом просто забыть? Пожалуйста. Такого больше не повторится. Обещаю...

Его слова отдаются гулким эхом в голове и раз за разом разбиваются об углы сознания, разрушая остатки моей и так искалеченной души.

...Ты же знаешь, что я никогда ничего бы с тобой не сделал...

Я знаю... Конечно, знаю!

Но все равно его слова, словно вогнали в мое сердце кол с шипами, а затем безжалостно прокрутили за рукоятку. Наверное, лишь с подобной болью я могу сравнить ту беззвучную агонию, что смиренно стерпела этим вечером.

Каждый раз, стоит мне увидеть Остина, во мне начинается упорная борьба. Годами долгое сражение с моим безоговорочно любящим сердцем. И все ради того, чтобы просто не выдать свой главный секрет – как сильно и бесповоротно я влюблена в того, кто меня по-настоящему не ви-

дит и не «чувствует».

Да, не знаю почему, но необъяснимая эмпатия Остина на меня не действует. Со всеми работает, а со мной – нет. Может, я какая-то бракованная, но этот странный факт лишь способствует четкому исполнению роли, что отведена мне в его жизни.

И, знаете, долгие годы притворства отточили мой навык скрывать от него свои чувства до профессионального уровня, позволяя мне с завидным успехом подавлять и заталкивать любовь к Остину в самый дальний ящик на дне моей души, закованный железными цепями и множеством неприступных замков.

Я так долго молчу, потому что уверена – моя любовь ему не нужна. И сегодня Остин вновь дал мне это понять.

Не знаю, сколько времени прошло с того момента, как мы легли в кровать. Пять минут? Десять? Час? А может, больше? Но даже умирая от усталости, я все равно не могу уснуть. Слышу сонное сопение Остина за своей спиной и пытаюсь сдержать трепещущее сердце, что отчаянно рвется к нему.

Мне никак не найти удобной позы: любое движение помятой простыни и даже прикосновения к самой себе сейчас отдаются предательской дрожью в самой жаркой и влажной точке внизу живота.

Всеми силами приходится удерживать себя от жизненной потребности прикоснуться к Остину и ощутить, что значит

быть любимой им. Вслушиваюсь в ночную тишину, в протяжные завывания ветра за окном, рассматриваю комнату в холодном лунном свете и непрерывно слежу за беспокойным колебанием танцующих теней на стенах, которые с улицы отбрасывают раскидистые ветки деревьев.

Черт! Пусть будет проклят этот злосчастный день, у которого нет ни конца ни края. На сколько еще мне хватит сил терпеть подобное издевательство?

Как бы я себя не убеждала, но я не бездушный робот, а всего лишь живой человек! Обычная девушка, зверски уставшая день за днем натягивать на себя чужие лживые маски. Я просто хочу быть собой! Хочу быть настоящей! Хотя я даже не уверена, что все еще помню, что это значит.

Наплевав на здравый смысл, я медленно, так, чтобы не потревожить сон Остина, поворачиваюсь к нему. Его голова мирно покоится на ладони, а лицо выглядит расслабленным. Даже не помню, когда в последний раз видела его спящим, но это завораживающее зрелище.

Отросшие пряди темных волос свободно спадают на лоб, глаза плотно закрыты, лишь легонько подрагивают пушистыми ресницами, а манящие губы так загадочно, словно радуясь чарующим снам, почти незаметно расплываются в самой прекрасной на свете улыбке.

Что же тебе снится, Остин?

Задаюсь безмолвным вопросом и впиваюсь ногтями в порезы ладоней, чтобы удержать себя от прикосновений к его

коже, а затем делаю самую большую ошибку из всех, что могла совершить – опускаю свой жадный взгляд с его спящего лица ниже.

Перед сном Остин снял с себя испачканную майку, поэтому мне хватает всего доли секунды, чтобы в красках представить, как провожу руками, а после языком и губами по его спортивной рельефной фигуре.

По широкой линии плеч я неспешно перехожу к крепким рукам, которые теперь даже не приходится напрягать, чтобы проявлять развитые мышцы и силу.

Нежно пройдясь пальцами по всем выпирающим венкам, я перебираюсь на мощную грудь, что в мерном темпе то плавно поднимается, то шумно опускается, обдавая жарким пламенем его глубокого дыхания.

Затем всего на миг я прижимаюсь к сердцу и медленно, словно по ступенькам, спускаюсь вниз по четким мышцам пресса к чувствительной впадинке твердого живота.

И вот я уже на финишной прямой – все ниже и ниже... Туда, где горячее и еще тверже... Туда, куда еще никогда в своей жизни не добиралась, но ежедневно умираю от невыносимого желания достигнуть цели. Узнать. Почувствовать. Ощутить в себе.

Мне становится невыносимо жарко и не хватает воздуха, будто в груди перекрыли весь кислород. Картинка перед глазами расплывается, а с каждой новой мыслью о страстном сексе с Остином мое голодное тело жалобно стонет и просит.

Нет, не так... Оно с криками умоляет меня сорваться и воплотить все то, чего так настойчиво и мучительно долго требует все мое утро.

Образ «младшей сестры» неизбежно ускользает, и я не сразу понимаю, как оказываюсь к Остину непозволительно близко. Все движения будто делает другая, а я сдаюсь и покорно *ей* это позволяю.

Опустив голову прямо возле его лица, я плотно прижимаюсь к Остину телом. Небрежно забрасываю руку, «ненароком» обнимая, а вслед за ней также следует нога.

О боги! Мне многого не надо!

Даже столь невинные прикосновения заставляют все части тела превращаться в прах и вновь восставать из пепла.

Я правда пытаюсь расслабиться и не опасаться того, что он подумает, если вдруг проснется, но у меня не получается. Страх и звенящее волнение смешивают кровь до состояния жидкой лавы, что ежесекундно все сильнее и сильнее застывает в каждой артерии, сосуде и узловатой вене.

В столь близком к нему положении я застываю, словно гранитная статуя, боясь совершить хотя бы одно неверное движение или даже шумно вздохнуть.

Совсем скоро от неудобной позы тело начинает затекать, но я терплю и не двигаюсь, желая по возможности дольше продлить это мучительное наслаждение.

Я вконец неизлечимая мазохистка – других слов просто нет. Наслаждаюсь и мучаюсь – мучаюсь и наслаждаюсь. И

так до тех пор, пока тело окончательно не устает и не немеет. Я понимаю, что, как бы мне ни хотелось, но все же придется поменять положение и попытаться заснуть.

Однако стоит мне только начать отстраняться, как руки Остина заключают меня в цепкие медвежьи объятия. Он сонно мычит, прислоняясь губами к моему вспотевшему лбу. Одну ладонь кладет мне на спину, второй зарывается в копну моих спутанных волос и как ни в чем не бывало продолжает пребывать в далеком мире грез.

А я?

А я вновь умираю и возрождаюсь, чтобы немного сползти вдоль его шеи вниз и уткнуться носом в ямочку ключицы, которая словно была создана именно для меня.

Сколько раз в своих фантазиях я мечтала вот так засыпать в его сильных объятиях, в которых мне нечего бояться и совсем не о чем переживать. Ведь он убережет и согреет от любой непогоды и уничтожит каждого, кто посмеет мне навредить.

Остин защитит от всего, как всегда это делал, даже не подозревая о том, что самую страшную боль год за годом, сам того не желая, причиняет мне сам.

Самую адскую боль и ни с чем несравнимое счастье, что сейчас заполняет меня до краев.

В его тесной хватке я наконец расслабляюсь и до безумия быстро, совсем незаметно погружаюсь в долгожданный сон, где все между нами – настоящая правда, а не мой столь же-

ланый мираж.

Глава 11

Остин

Это была самая ужасная ночь в моей жизни!

Нет... Скорее это была самая непростая и мучительная ночь в моей жизни, в которой я изо всех сил пытался разобраться, где сон, а где явь, чтобы случайно не совершить того, о чем потом пожалею.

Всю ночь меня мотало из горячих снов с Ларой в еще более огненную реальность с Никс, которую я до боли сжимал в объятиях. Держал спящую малышку в своих руках без какого-либо шанса найти в себе силы отстраниться и в то же время боялся сделать хоть одно неверное движение, лишь бы окончательно не сорваться и не натворить дел.

Я ждал наступления утра так, как еще никогда и ничего не ждал в своей жизни. Только тогда, мучаясь и одновременно упиваясь близостью Никс, я даже не догадывался, что утро встретит меня вовсе не теплыми лучами солнца за окном и даже не чашкой крепкого кофе.

– Это что еще такое, Остин?! – звонкий голос Лары мгновенно вырывает меня из сна.

Я заставляю себя открыть глаза и первое, что вижу этим

«прекрасным» утром – уничтожающий взгляд янтарных глаз. Лара ошеломленно пялится на картину, как я намертво прижимаю к себе спящую Никс, чья обнаженная нога обхватывает мое тело.

– Я повторяю: что здесь происходит, Остин?! Как ты мог?! Ты сам решил поставить крест на нас?! Так, я понимаю?! – свирепеет Лара, пробуждая своими криками Никс. Та на удивление быстро реагирует и шустро отстраняется от меня, чуть ли не падая с кровати.

– Лара, что ты тут делаешь?! – встревоженный тем, что она додумалась приехать в Энглвуд одна, я задаю заведомо неверный вопрос. И он предсказуемо опрокидывает на меня новую порцию женского гнева.

– Что я здесь делаю?! Честно? Теперь уже сама не знаю! Простите, я не хотела вам мешать! Можете смело продолжать! – задыхаясь от ярости, Лара торопится выбежать из комнаты, но я резво вскакиваю с постели и подлетаю к ней.

– Лара, успокойся! Это не то, что ты подумала. Я тебе сейчас все объясню, – пытаюсь прикоснуться к ней, но она грубо отталкивает мои руки.

– Что ты собрался объяснять? По-твоему, я совсем слепая?!

– Девочка моя, успокойся, все не так, как тебе кажется.

Спросонья мой голос звучит хрипло, оттого и до невозможности жалко. Чувствую себя гребаным героем сопливой мелодрамы, в которой меня поймали с поличным в постели

с любовницей, и теперь мне придется усердно молить о прощении.

Только ни любовницы, ни причины, за что нужно извиняться, нет. Не так ли?

– Никакая я тебе не девочка, и не смей трогать меня, Остин! Не после нее! – Лара бросает брезгливый взгляд на Никс, а она тут же прикрывается пледом и протирает сонные глаза.

Если бы я мог «считать» ее, уверен, что ощутил бы каплю злорадства к сложившейся ситуации. Николина редко находила общий язык с кем-то из моих девушек. Они же вообще все поголовно ее недолюбливали, но лично меня данный факт всегда мало волновал. Мне и так постоянно не хватает времени даже на такие простые вещи, как полноценный сон и сбалансированные приемы пищи. Тратить драгоценные минуты на банальные девчачьи разборки я не хочу и не могу.

– Лара, прекрати кричать. Что значит «после нее»? Это же Никс. Она мне как сестра. Что ты себе там надумала? – пытаюсь ментально прорваться сквозь плотную пелену ярости Лары, но меня тут же отшвыривает прочь, лишая возможности добраться до ее здравого смысла.

– Какая она тебе сестра?! Прекрати уже врать мне. Не после того, что я сейчас увидела!

– Да что ты увидела?! Мы просто спали, Лара. Просто спали и все! – выпаливаю я, ощущая неприятный спазм в райо-

не сердца. Будто я только что произнес наглую ложь.

– Видела я, как вы просто спали! – ее свирепый взгляд вновь изучает смятые простыни, на которых все еще лежит Никс, продолжая хранить тактичное молчание. – Так брат с сестрой точно не спят! Боже, да меня сейчас стошнит от вас!

– Тебе нужно успокоиться, и ты поймешь, что не права.

– Я еще и не права? Какая же ты скотина, Остин! Имей хотя бы смелость признаться.

– Да в чем признаваться? Ничего не было! Ты бы меня еще к Мэгги приревновала.

После этих слов я неосознанно оборачиваюсь к Никс, не до конца понимая, что именно хочу найти в ее холодном взгляде, но предельно ясно вижу одно – она тоже злится. И мне остается лишь догадываться, что Никс не рада начинать свое утро с подобного извержения вулкана так же, как и я.

– Успокойся, и пойдем поговорим, – возвращаю свое внимание к негодующей брюнетке, желая поскорее остановить бессмысленную истерику, но Лара, похоже, только начала разогреваться.

– Забудь, Остин! Нам с тобой больше не о чем говорить! Этого я тебе точно не прощу! – кричит она и отбивается от моих попыток схватить ее и вывести из комнаты, нанося по груди и лицу весьма ощутимые удары. – Я всегда догадывалась, что между вами что-то есть! Боже, как я могла этого раньше не видеть?! Как ты посмел, Остин?! За что?! Я ненавижу тебя! **НЕНАВИЖУ!** – с ее языка слетает новая порция

брёда, который обдаёт меня жаром сильнее, чем ее последующая хлесткая пощечина.

– Что ты несешь?! Быстро угомонись, идиотка! Что на тебя нашло?! – не желая больше терпеть впервые столь неадекватное поведение Лары, все-таки срываюсь на крик, но она совершенно меня не слышит.

– **ОТПУСТИ МЕНЯ! ОТПУСТИ! НЕНАВИЖУ!** – орет мне прямо в ухо как пожарная сирена, когда я плотно сцепляю свои руки вокруг нее.

– Лара! Мать твою, успокойся!

– Нужно было сразу понять, что между вами вовсе не дружба! Не трогай меня, Остин, отпусти! Мне противно! Как ты мог так поступить?! Я же верила тебе! Несмотря на то что всегда чувствовала, что она... Ужас! Я верила как последняя дура...

– Почему как?

Я застываю от тихого бурчания за своей спиной, которое, Никс думала, никто не расслышит.

Вот уж спасибо, Джеймс... Все-таки не смогла сдержать свой язык за зубами.

Я готов испепелить Никс одним лишь только взглядом, но желание заклеить девчонке рот пропадает так же быстро, как и появляется. Крики Лары наконец-то угасают, а тело, всего на миг окаменев, неожиданно слабеет, и уже в следующую секунду из ее глаз прорываются горькие слезы.

– Значит, я права... – сдавленно, словно раненый зверь,

стонет Лара.

Вот же блять! Да что же такое? Что за хаос творится в ее голове?!

Вчерашний день, что ли, был всего лишь генеральной репетицией настоящего стихийного бедствия ее горечи и боли, что сейчас сметет под ноль все мои внутренности?

– Я имела в виду совсем не это... – начинает оправдываться Никс, распаяя до последнего предела теперь уже меня.

– Заткнись, Николина! Больше ни слова! – зло рывкаю я и вывожу из комнаты тонущую в слезах Лару.

До гостиной мне приходится тащить на себе надрывно плачущую девушку, а там усаживаю Лару на потертый бабушкин диван, испачканный сероватыми разводами.

Всего минуту назад я был готов рвать и метать, ведь никому и никогда не позволял подобных бурных истерик. Однако сейчас, когда Лара сидит передо мной, нервно сжимая ладонями свои острые колени, вся дрожит и не перестает по-детски шмыгать носом, мой праведный гнев мгновенно исчезает.

Еще совсем недавно пунцовое от ярости лицо плавно приобретает оттенок снега. Сегодня на ней нет ни грамма косметики, а вчерашние идеальные локоны спрятаны в высоком пышном хвосте, но так Лара даже прекраснее. Еще свежее и ранимеей.

Я даже жалею, что она прекратила кричать. Я готов терпеть что угодно, кроме ее слез.

– Пожалуйста, успокойся и выслушай меня, – со всей серьезностью начинаю я, усевшись рядом.

– Я ничего не хочу слышать, Остин. Просто дай мне пару минут успокоиться, и я уйду, – дрожащим голосом просит она, до сих пор не понимая, что я никуда не собираюсь ее отпускать в таком состоянии.

– Лара, приди в себя и подумай как следует. Ты же прекрасно знаешь, что у меня с Никс ничего не было. Ни этой ночью, ни когда-либо еще. Что за сцену ты устроила?

Бросаю на нее взгляд, теперь уже сам ожидая объяснений, но Лара молчит, глядя прямо перед собой, и продолжает мелко подрагивать всем телом.

– После вчерашнего разговора с тобой мне хотелось лезть на стену от тревожных мыслей, поэтому я пришел сюда, надеясь найти спасения у Мэгги. И, как оказалось, то же сделала и Никс, после того как попала под машину. Вот и все. Мы просто спали, да и были в квартире не одни, а с бабушкой, – объясняю я, лишь сейчас замечая, что Мэгги дома нет. – Кстати, где она?

– Вышла в магазин. Я встретила ее на пороге.

– И ты думаешь, она бы впустила тебя, будь я в постели с другой девушкой?

– Ты и был с другой... – продолжая хлюпать носом, еле слышно бормочет она.

– Лар, ты поняла, что я имею в виду. Я бы никогда не изменил тебе, и уже тем более с Николиной, – вновь язык

предательски немеет от сказанных слов.

– Это уже неважно, Остин, – моя любимая брюнетка отчаянно вздыхает, поднимая свой грустный взгляд на меня. В его золотистом блеске сверкает не что иное, как грядущее прощание.

– Ты хочешь сказать, что приехала в такую рань в Энглвуд, чтобы сообщить мне о нашем расставании? – выдвигаю безрадостное предположение я.

– Нет, Остин, я всю ночь не могла уснуть, поглощенная мыслями о том, что ты вчера сказал. Я не могла дожидаться наступления утра, чтобы сообщить тебе, что хочу дать нашим отношениям шанс.

Слова Лары должны были дать мне надежду на благоприятный исход, но не дали.

– Ты изменила решение, – уверенно делаю вывод я, считывая все по любимым глазам. – Это из-за Никс? Я же вроде тебе объяснил. И я в самом деле не понимаю, откуда в твоей голове столь бредовые мысли о ней? Разве я хоть раз давал тебе повод усомниться во мне?

– Нет, не давал, но дело не в ней, а точнее, не только в ней, – она презрительно смотрит в сторону моей комнаты и трясет головой, словно отгоняя от себя неприятные картинки. – Мне давно не нравится то, во что я превращаюсь рядом с тобой, Остин, и сегодняшний инцидент стал для меня последней каплей.

– Ты просто слишком бурно отреагировала.

– Со мной такого никогда не происходило. Ты же знаешь, я не из тех, кто устраивает подобные скандалы. Это не я. И не хочу быть такой. Я слишком долго молчала и копила в себе все, что меня не устраивало, и вот чем это закончилось. Я так больше не могу. Мне не только не хватает тебя, но я неизбежно теряю себя, а этого я допустить не могу, как бы сильно я тебя ни любила.

Я детально рассматриваю ее бледное лицо, чтобы найти в нем хоть какой-то намек на то, что мне удастся переубедить ее. Но его нет. Есть только горькая правда: Лара поистине страдает рядом со мной. И уже давно. А я как слепой эгоист упорно отказывался замечать это и не уделял ей должного внимания.

Лара любит меня, в этом нет сомнений. Это видно в каждом ее трепетном взгляде, томной улыбке и ласковом прикосновении. А еще в горечи стекающих слез, прерывистом тяжелом дыхании и душевных страданиях, которые я уже долгое время причиняю ей своим небрежным отношением к «нам».

Люблю ли я ее так же сильно?..

Возможно.

Ведь как ее можно не любить?

Я молча смотрю на Лару, стараясь запечатлеть в памяти каждую деталь ее доводящей до безумия красоты, внутри которой живет нежная, трогательная, добрая и чистая девушка, и понимаю – я не имею права и дальше продолжать ее

терзать.

Да, наверное, я все-таки люблю.

Люблю настолько, что могу отпустить ее, пока еще не поздно.

Она молчит и не уходит, но на сей раз не для того, чтобы дать мне возможность ее остановить, а просто потому что ей нестерпимо больно и элементарно не хватает сил, чтобы встать, пойти и не оглянуться.

– Лара, – не выдержав давящего молчания, я прислоняюсь к ее лбу своим и, закрыв глаза, пытаюсь отрешиться от реальности. Вдыхаю, чувствуя, как искрит в пространстве между нами. Да... так ослепительно искрит, но почему же этого так мало для того, чтобы дарить друг другу счастье?

Я не собираюсь больше извиняться или что-то объяснять. Она все знает. И сделала свой выбор, который мне сейчас остается лишь принять. Не потому что хочу, а потому что так надо. Так будет лучше для нее, а может... и для меня.

– Я отвезу тебя домой, – накрыв ее влажное лицо ладонями, я отстраняюсь.

– Нет, прошу не надо. Я сама.

– Я не отпущу тебя одну.

– Остин, пожалуйста, лучше вызови мне такси, – нежнее просит Лара с предельным отчаянием в медовых глазах. – Мне так будет легче, чтобы...

Она не находит слов, чтобы закончить предложение. Черт... Не хочу, чтобы все так заканчивалось, но покорно

вызываю машину и разлетаюсь на части, слушая, как безумно медленно и в то же время торопливо тикает стрелка на часах, с каждым тихим стуком подводя нас все ближе к расставанию.

Смирненно следую за Ларой по коридору к входной двери, совершенно не зная, что хочу ей сказать. Никакие слова не смогут передать ей то, как мне жаль, что все так сложилось.

– Не провожай меня, – даже не просит, а требует она.

– Но, Лара...

– Остин, пожалуйста. Останься здесь, – шумно выдыхает красавица и выставляет руку вперед, останавливая. – На этом все.

Мне нечего ответить, не хочу с этим соглашаться. Хочу прикоснуться, прижать к себе, вкусить сладость ее кожи и чувственных губ, но вместо этого просто стою и понимаю, что ничего из этого сделать я уже не могу.

Хотя... Какого черта?..

Рывком хватаю Лару за шею, вплотную притягивая к себе. Всего одно мимолетное столкновение взглядов, и я до боли впиваюсь в столь желанные губы. Раскрываю языком, жадно наслаждаясь теплотой женского рта, который еще совсем недавно так надрывно из-за меня кричал.

Я целую отчаянно и страстно, желая надолго оставить о себе воспоминание и в сотый раз эгоистично наплевав на то, что этим делаю лишь большее нам обоим. Но она не стонет, не просит и не вырывается, а только пылко отвечает в ответ.

Как всегда это делала.

И я «твердо» уверен, что наш прощальный поцелуй закончился бы незабываемым прощальным сексом, если бы не внезапно появившаяся на пороге Мэгги.

– Голубки, остудите свой пыл, а то мое старое сердце не выдержит подобного напряжения, – добродушно произносит бабушка.

– Не говори ерунды. Никакое оно не старое, Мэгги, оно еще всех нас переживет, – с трудом натянув на губы улыбку, неохотно отпускаю Лару и забираю пакеты с продуктами из бабушкиных рук, пропуская ее вглубь квартиры.

– Не говори таких глупостей, Остин. Мне бы дожить до правнуков, а дольше не нужно, – она загадочно поглядывает то на меня, то на Лару. – Но вы все равно не спешите, я могу еще подождать. Оставьте ваши страсти на потом, а сейчас бегом на кухню. Я чайник поставлю, и все вместе посидим. Давно у меня столько гостей не было, – Мэгги источает превеликую радость, но даже она не утешает меня.

– Спасибо, Мэган, за приглашение, но мне пора, – вежливо отказывается Лара, больше не глядя на меня.

– Как? Ты уже уходишь? Вроде же только что пришла.

– Да, мне нужно идти. *Уже давно пора...* – и даже не прощаясь, она прячет лицо и выбегает из квартиры, плотно закрывая за собой дверь.

Я молча стою с пакетами в руках не в силах что-либо сказать Мэгги. Но этого и не надо. Она все сама понимает и тон-

ко чувствует, что сейчас мне совсем не до объяснений.

– Нет ничего, что не может исправить вкуснейший бабушкин пирог, – Мэгги касается моего плеча теплой рукой, и я слабо улыбаюсь. – Все будет хорошо, мой мальчик. Я накрою на стол, а ты позови на завтрак Николину.

Ее имя немного отрезвляет, напоминая, что меня ожидает еще один сложный разговор, в котором я хочу расставить между нами все по своим местам. Не хочу больше никаких недомолвок, ошибочных суждений или обид. Вообще не хочу больше никаких «отношений» и новых помех на своем пути.

В груди все нестерпимо ноет, но с этого момента я буду делать вид, что мне наплевать. Девушки приходят и уходят, редкие из них, такие, как Лара, оставляют глубокие следы, но точно знаю, что у меня есть то, что никогда не исчезнет. Нечто, что всегда будет со мной.

Моя цель и работа. Именно в ней я и буду спасаться, переживать, забываться и продолжать двигаться дальше. Другого варианта нет.

Я открываю дверь в спальню, полный решимости вновь поговорить с Никс о том, что произошло вчера и сегодня, но комната неожиданно встречает меня тоскливой пустотой.

Она ушла. Тихо и совсем незаметно. Точно так же, как прошли тайком мимо меня ее поразительные изменения. Проскользнули перед самым носом, а затем по случайности, совсем неожиданно заставили очнуться и увидеть ее с дру-

гой стороны.

С той, что определенно пугает и будоражит. Вводит смятение и восторгает. Вмиг разрушает годами привычные устои и вынуждает задуматься: что еще Никс от меня скрывает?

Глава 12

Адам

«Идти напролом, несмотря ни на что, пока цель не будет достигнута».

Всегда и во всем я придерживался этого жизненного устоя, и именно он год за годом позволял мне возводить наш семейный бизнес на те высоты, которых он еще никогда не достигал.

После долгих лет упорной работы мой отец, беспощадный и властный Роберт Харт, наконец добился того уровня жизни, о котором всегда мечтал. Однако он не собирался останавливаться на достигнутом. Ему всегда было мало просто быть в чем-то успешным. Он хотел быть лучшим. И я не просто перенял присущие ему черты характера и стремления, но всегда горел навязчивым желанием стать в разы лучше него.

И я стал.

Когда отец передал мне контрольный пакет акций и я занял президентское кресло «Heart Corp», которую он основал и построил с нуля, наша компания уже являлась достойным игроком в сфере электронной промышленности. Но за семь лет моего правления мне удалось не только увеличить нашу

годовую прибыль в три раза, но и значительно расширить территориальное влияние бизнеса, уничтожив на своем пути немалое количество конкурентов.

«Главное правило – никаких правил».

Это еще одно важное условие для достижения желаемого успеха. В большом бизнесе нет места эмоциям, жалости или состраданию. Все просто: либо ты без сожалений первый съедаешь противника, либо он так же быстро съедает тебя. Именно поэтому моя работа, как, впрочем, и вся жизнь, основана на рациональном и аналитическом подходе, в котором быть эмоциональным – значит казаться слабым. А я точно не считаю себя таким, как и не могу позволить хотя бы на мгновение кому-то подумать так.

«Крупные дела не делаются одним человеком – они совершаются командой».

Эти слова также с самого детства мне не уставал повторять отец. Для процветания бизнеса он всегда собирал вокруг себя сильную команду профессионалов. И, возглавив корпорацию, я полностью согласился с ним. Верные и компетентные люди являются одним из главных условий продвижения бизнеса, но только в том случае, если ты умеешь правильно и четко организовать их работу. Следить, наставлять и непрерывно контролировать. Вызывать уважение, заставлять бояться и полностью доверять каждому без исключения, кого подпускаешь к своим делам.

В чем явно и ошибся мой отец перед уходом на пенсию,

когда выбрал в свои заместители в филиале Рокфорда, где он последние годы сам управлял делами, совершенно неподготовленного человека.

Под руководством этого мудака за последний год отмечается значительное падение прибыли, недопустимые задержки с выполнением заказов, потери нескольких крупных клиентов и внезапный пожар на одной из фабрик.

Последняя новость и вынудила меня оставить все важные дела в главном штабе «Heart Corp» и немедленно вернуться в Рокфорд, где я по восемнадцать часов в сутки разгребая в офисе всю кучу дерьма, которую натворил назначенный отцом руководитель.

– Джессика Роуз уже пришла? – пугаю своим вопросом Мари, когда возвращаюсь с очередного общего собрания, на ходу освобождаясь от галстука.

Нет ничего более изнурительного, чем продолжительное общение с кончеными идиотами, которые не способны предложить ни одного решения проблемы в сложившейся ситуации на предприятии.

– Да, она уже минут пятнадцать ждет в вашем кабинете, – еле слышно пищит моя временная секретарша.

– Прекрасно. Мари, в ближайший час меня ни для кого нет.

– Но, мистер Харт, у вас через полчаса назначена встреча с...

Поймав на себе мой холодный взгляд, который каждый

раз заставляет ее трястись от страха, она мгновенно затыкается. Думаю, стоит мне проявить хоть немного истинного раздражения, что сейчас кипит во мне, и девушка потеряет сознание прямо на месте.

За прошедшие недели я успел неоднократно пожалеть, что не взял в эту поездку свою незаменимую ассистентку Сару. За долгие годы совместной работы она уже успела привыкнуть к моему влиянию на окружающих женщин и не содрогается от каждого слова или взгляда.

Я нарочно подхожу к напуганной секретарше ближе, желая достигнуть необходимого эффекта.

Ее весьма привлекательное тело начинает мощно подрагивать, на коже проступает жаркая испарина, а сочные губы приоткрываются, выдавая ее глубокое дыхание, вызванное теперь далеко не только страхом.

Да... не могу не отметить, что у бывшего исполнительного директора неплохой вкус на женщин, однако мне хватает секунды, чтобы понять, что эта прелестная пташка удивить меня ничем не сможет. В ее курчавой головке бурлят все те же развратные фантазии, что я считывал уже не раз, и мне даже проверять не надо, чтобы с уверенностью заявить: вслед за страхом, который я неизменно вызываю в женщинах, ее одолевает ярое желание самой раздвинуть передо мной свои стройные ноги, чтобы я вытворил с ней все то, о чем она тайно мечтает.

– Послушай меня внимательно, Мари, повторять больше

не стану. – приподнимаю за подбородок ее покрасневшее лицо. – Когда я говорю, ты выполняешь. Сразу же. Молча и без лишних вопросов. Поняла? – почти касаюсь своими губами ее губ и сквозь панический страх девчонки также остро ощущаю ее физическое желание.

Она нервно сглатывает, все еще боясь посмотреть мне в глаза.

– Не слышу ответа, – шепчу я, замечая мурашки на ее коже.

– П-понял-а-а-а, – не говорит, а призывно стонет мне в рот, содрогаясь как при сильнейшем ознобе.

Да... она слишком проста и в основном преисполнена страхом. С такими обычно каши не сваришь.

Неинтересно.

Я быстро отстраняюсь и, не желая больше тратить на нее свое время, скрываюсь в кабинете, где меня ждет другая умелая и более «устойчивая» красотка. Она уж точно поможет мне снять накопившееся за день напряжение.

– Я думала, что понадобится тебе только вечером, – Джессика по-хозяйски устроилась в моем кресле, закинув длинные ноги в элегантных туфлях на стол прямо поверх кучи документов.

Соблазнительная картина не вызывает во мне ничего, кроме желания скинуть на пол наглую девку. Временами она забывает, как должна себя вести. А точнее, как обязана ждать моего появления – голая и готовая делать все, что я пожелаю.

– Как замечательно, что в твои обязанности не входит думать.

Вслед за галстуком я снимаю пиджак, расстегиваю ремень на брюках и, скинув с рабочего стола женские ноги, опираюсь на него. Не церемонясь, хватаю девушку за роскошные светлые волосы и направляю голову к своему давно готовому члену. Сейчас мне не хочется никаких прелюдий, да и они, в принципе, не нужны. Ни мне, ни ей.

Джессика без сопротивления вбирает член до самого горла, приступая активно и с превеликим удовольствием обрабатывать свой контракт.

О да... Это именно то, что мне нужно, чтобы расставить в голове все по своим местам и вновь вернуться к работе.

Необходимая доза удовольствия. Быстрая разрядка. В любое время суток. В любом месте. Любой мой каприз. Без ненужных слов, эмоций и траты лишней энергии. Вот, что дают мне взаимовыгодные контрактные отношения с девушками, которых я выбираю.

Не каждая из моих любовниц по договору является элитной шлюхой, как Джессика. Весомая часть из них – простые девушки, которые случайно приглянулись мне на улице, в ресторане, на очередном культурном мероприятии или светском приеме.

Одним из главных критериев, по которым я выбираю этих счастливиц, является их уровень «устойчивости» передо мной, но об этом чуть позже... А пока поясню, почему я

называю их «счастливицами».

Во-первых, я редкостный наглец, полностью уверенный в своей неотразимости, и исключительный в своем роде любовник, способный одной лишь своей близостью возбуждать женщин и без малейшего труда доводить их до оргазма. И нет, это не излишняя самоуверенность, а лишь констатация факта. А, во-вторых, избранным мной девушкам выпадает невероятный шанс всего за пару-тройку месяцев заработать приличную сумму денег, которая позволяет им не думать о своем благосостоянии на протяжении долгих последующих лет, а для более скромных – вообще всей жизни.

И основываясь на свой опыт, могу с уверенностью заявить: у любой, даже самой нравственной и целомудренной женщины есть своя цена. Ее просто нужно мне назвать – и дело в шляпе.

Что касается денег – я не жадный человек, чего не могу сказать о своем времени. Мне гораздо удобнее заплатить и держать девушку под боком, чтобы быстро, без лишних проблем получить то, что мне необходимо. Без свиданий, привязанностей и вообще какого-либо личного общения. Только секс и ничего кроме этого.

Минут двадцать упорных стараний Джесс уходит на то, чтобы довести меня до оргазма. Красотка неотрывно смотрит на меня, когда я глухо стону и кончаю ей в горло.

– Охрененно... – тяжело вздыхаю, чувствуя полное обнуление, а вслед за ним – новый прилив сил. – Теперь ты сво-

бодна до вечера, Джесс, – возвращаю приспущенные брюки на место и протягиваю девушке пачку салфеток.

Она разочарованно хлопает ресницами, явно ожидая продолжения, но я получил от нее все, что хотел на данный момент, а пункт об удовлетворении ее сексуальных потребностей в контракте не предусмотрен. Его я выполняю только по собственному желанию, которое на протяжении последних лет бывает не так уж часто.

Однако Джессика, несмотря на недовольство, сдерживает себя от никому не нужных высказываний, ведь прекрасно помнит, как много она получает взамен за свое покладистое поведение.

Она молча выхватывает салфетки из моей руки, стирает вытекающие изо рта остатки спермы и быстро приводит себя в надлежащий вид.

Закурив сигарету, я подхожу к панорамному окну с видом на блеклый даунтаун. Не был в родном городе несколько лет, но сейчас мной овладевает чувство, словно никогда и не покидал его.

Все то же огромное количество однообразных офисных высоток, нескончаемое количество людей в костюмах, бегущих по улицам в торопливом потоке. Вдали виднеется мерно текущая сквозь каменные джунгли Рокривер, а с вечно серого, затянутого мрачными тучами неба не прекращает монотонно покрывать дождь.

Да уж... Не к такой унылой картинке я привык, живя в

красочном Нью-Йорке, но не приехать я не мог. Когда по чьей-то вине я не только теряю деньги, но и замечаю угрозу безупречной репутации моей компании, мне приходится самому браться за устранение вредителя и решение всех насущных проблем.

– Во сколько мне ждать тебя дома?

Лениво оборачиваюсь к дверям, где все еще стоит Джессика. Медленно оглядываю ее с головы до ног, в очередной раз отмечая, что выглядит она бесподобно, как, впрочем, и все мои контрактные «счастливицы».

– Я думал, тебя уже здесь нет, – намеренно игнорирую ее вопрос. Видимо, придется заканчивать с ней раньше установленного срока. Уже не в первый раз я вынужден терпеть на себе ее влюбленный взгляд, который мне на хрен не нужен.

А вроде же профессиональная шлюха. Такие обычно держатся дольше остальных.

Наконец слышу, как она закрывает за собой дверь, докуриваю сигарету и возвращаюсь к нерешенным рабочим вопросам. Однако не успеваю я окунуться в процесс, как меня отвлекает звонок рабочего телефона.

– Мари, мне казалось, я тебе четко сказал, что на час меня ни для кого нет, – недовольно произношу я, теряя последние остатки терпения к хреново исполняющей свои обязанности секретарше.

Мне кажется, в этом здании вообще не осталось ни одно-

го толкового работника. Куда смотрел отец? Уволю всех к чертям!

– Я помню, мистер Харт, но к вам пришел...

– Ты меня не слышала?

Чувствую, она будет первой, кто вылетит на улицу.

– Ты вконец охренел, Харт?!

Не успеваю расслышать вялый ответ Мари. Все мое внимание обращается к ворвавшемуся в кабинет мужчине.

– Мало того, что не сообщил, что вернулся в Рокфорд, не отвечаешь на звонки, так еще выловить тебя невозможно. Неужели совсем не можешь найти времени на старых друзей?

– Тони! Какие люди! – поднимаюсь с кресла, чтобы поздороваться с первым человеком за последние недели, которого по-настоящему рад видеть.

– Ну, хорошо, что ты хоть признал, а то я уже думал, меня под руку с охраной выведут отсюда. До президента легче добраться, чем до тебя, – упрекает друг и крепко обнимает меня, стуча кулаком по спине. – У тебя вообще совесть есть, Адам? Ты какого черта уже месяц в городе, а я об этом узнаю только сейчас, и то от случайных знакомых?

– Да у меня здесь такой завал, что не было возможности даже позвонить. Присаживайся, – пропускаю Тони к креслу. – Мари, принеси нам кофе, – приказываю я перед тем, как закрыть дверь кабинета.

– Ну да, конечно, позвонить другу времени нет, а на встре-

чи со знойными красотками есть? – продолжает возмущаться Тони, хмуря лоб.

Не могу не отметить, что с нашей последней встречи друг практически не изменился: все те же мальчишеские черты лица и статная осанка артиста, лишь стрижка темных волос стала заметно короче, да взгляд более серьезный.

– Тебе ли не знать специфику моих встреч с ними, – возвращаюсь в свое кресло и закидываю руки за голову.

– Конечно, знаю, и, похоже, некоторые вещи не меняются даже с годами. Ты конечный предприниматель, Адам. Даже в постели не можешь обойтись без бизнеса.

Теперь я искренне смеюсь. Но что есть, то есть. Даже не поспорить.

– Сколько мы не виделись?

– С того самого момента, как ты покинул Нью-Йорк. Два года? Три?

– Пять, – ошарашивает друг.

– Черт! Уже пять лет прошло?

– Да, погрязнув в этих чертовых бумажках, ты не успеешь оглянуться, как вся жизнь пройдет мимо тебя, – он разводит руками по сторонам, осуждающе рассматривая беспорядок на столе.

– Это и есть моя жизнь, Тони. Меня все устраивает.

И это правда.

Если бы работа не доставляла мне удовольствия, я бы уже давно все бросил. Я вообще никогда не делаю того, что вста-

ет наперекор моим желаниям или не приносит максимальной выгоды.

– Печально, Адам, очень печально, – он поднимается с кресла и подходит к окну.

– Как твои дела? Не скучаешь по Нью-Йорку? Мне вообще непонятно, почему ты решил уехать.

Я, как никто другой, знаю, что там у Тони была не только блестящая карьера, но и вся его жизнь.

– Нет, по городу не скучаю. Я скучаю по сцене, а находиться в бурном Нью-Йорке, где все напоминает о том, чего я лишился, для меня невыносимо.

– Но разве здесь лучше? Я не вижу тебя в Рокфорде. Этот город для тебя слишком... тусклый, что ли.

– То, что время не изменило тебя, Адам, не значит, что меня оно обошло стороной. Но давай сегодня не будем о грустном. Тот факт, что мне удалось тебя все-таки встретить, определенно нужно отметить.

Собираюсь отказаться еще до того, как он огласит грандиозный план на вечер. Однако в этот момент в кабинет входит Мари. Она несет поднос в трясущихся руках, вынуждая кофейный сервиз издавать ритмичный назойливый звон.

Прислонившись спиной к окну, Тони внимательно следит за движениями взволнованной девушки, которая меня уже, мягко говоря, бесит своей «неустойчивостью» и несобранностью в работе.

Видимо, она так же бездарна, как и ее бывший начальник.

И в подтверждение моих мыслей Мари опрокидывает гребанный поднос прямо на меня, заливая кофе все брюки и рубашку.

От неожиданности я вскакиваю со стула и теперь возвышаюсь прямо над головой неуклюжей идиотки. На сей раз ей несказанно повезло, что ее вечно дерьмовый кофе успел по дороге остыть, иначе бы я не оставил от нее живого места.

Я не кричу и не ругаюсь. Мне этого не надо. Хватает лишь красноречивого взгляда, чтобы дать ей понять всю силу моего негодования.

– Боже, мистер Харт, простите... Я не знаю, как это произошло.

Я думал, еще сильнее трясти ее уже не может, но как бы не так.

– Я сейчас все уберу... и... и принесу влажные салфетки. Простите, пожалуйста... Я не хотела... Я...

– Заткнись, – сдержанным тоном требую я, но она подпрыгивает на месте, словно от выстрела, и тут же замолкает.

Осматриваю свою одежду и понимаю, что никакие влажные салфетки мне не помогут. Хорошо, что я предусмотрительно успел привезти в этот офис несколько сменных костюмов.

– Мари, если не ошибаюсь, отдел кадров на пятом этаже. Иди прямиком туда, я дам распоряжение рассчитать тебя.

– Но, мистер Харт, пожалуйста... Мне... мне очень нужна эта работа... – со слезами на глазах мямлит побледневшая

девушка, не вызывая во мне ничего, кроме раздражения.

На что она рассчитывает своими слезами? Я должен ее пожалеть? Или утешить? Это не по адресу.

Все просто и справедливо. Если не справляешься со своими рабочими обязанностями – будешь уволена. Так было, есть и будет всегда поголовно с каждым, кто не будет соответствовать моим требованиям.

– Я говорю – ты выполняешь, – с холодным спокойствием в голосе напоминаю ей закон, который не должен забывать ни один работник... и не только работник.

Девушка наконец прекращает дрожать, когда замечает, как я начинаю расстегивать ремень, а вслед за ним и молнию на испачканных брюках. Делаю шаг к ней, и на сей раз мне не удастся услышать не только плаксивых всхлипов и жалобных слов, но даже ее дыхания.

– Уходи.

Одно слово возле ее лица призывает Мари сорваться с места и торопливо покинуть кабинет, так и не выдавив из себя ни одного звука.

Стягиваю с себя брюки и поворачиваюсь к Тони. Он все это время с интересом наблюдал за происходящим.

– Что? – спрашиваю, не понимая его странного выражения лица. Смесь удивления с восхищением?

– Я уже забыл про твою бешеную энергетику и какую неадекватную реакцию она вызывает у женщин, – Тони скрещивает руки на груди. – Всегда хотел понять, как ты это де-

лаешь?

Его вопрос вызывает во мне усмешку.

– Делаю что?

– Вводишь их в такой ступор, вынуждая трястись от страха, либо одним лишь взглядом заставляешь добровольно стянуть с себя трусы.

– Талант, – коротко отвечаю я, подходя к шкафу с другими костюмами.

– Мне бы такой талант пригодился на репетициях с моими девчонками.

– Ты имеешь в виду своих стриптизерш? – уточняю, чтобы убедиться, что Тони до сих пор занимается постановкой шоу в своем клубе.

– Именно.

– Разве они и так не снимают перед тобой трусики?

Мой вопрос заставляет его брезгливо поморщиться.

– Боже упаси! После того количества членов, что проходит через них каждую ночь, я даже за деньги к ним не прикоснулся бы, – Тони достает пачку сигарет и закуривает, вызывая во мне желание сделать то же. – Мне бы не помешала твоя хладнокровная способность заставлять их танцевать так, как я того требую. Я скоро без голоса останусь от вечных криков. Все нервы мне вытрепали.

– Хладнокровность и сдержанность – это не про тебя, Тони. Все забрал твой любимый братец. Как, кстати, поживает Эрик? – задаю вопрос, в принципе не требующий ответа.

Мне абсолютно по хер на второго Мэрроу.

– Как всегда – цветет и благоухает, – выдохнув клуб дыма, Тони пытливо изучает меня. – А это еще что за боевое ранение? – взглядом указывает на мое правое предплечье, заставляя меня хищно улыбнуться.

Каждый раз, когда я всматриваюсь в глубокий порез на руке, меня одолевает нездоровое возбуждение, а вместе с ним и злость.

Подумать только! Какая-то грязная пацанка осмелилась забрести на территорию «Heart Corp», чуть не прыгнула под мою машину, затем упорно вырывалась от меня, порезала ножом, а под конец еще и ослепила перцовым баллончиком, после которого я больше часа не мог вернуть ясность зрению.

Но даже не ее столь отчаянные попытки сбежать так накаляют меня, как вопрос: как ей вообще удалось противостоять мне?

Думаю, вы уже успели понять, что я имею некое влияние на женщин, заставляющее их одновременно бояться и изнывать от желания добровольно отдаться мне.

Это можно назвать как угодно: сверхъестественной способностью, притягательной силой, мощной сексуальной энергетикой или просто редкостной удачей, но это физиологическое явление берет свое начало еще до моего рождения.

Я не люблю лишний раз вспоминать далекое прошлое, поэтому просто скажу, что мне никогда не приходилось ста-

раться, чтобы привлечь к себе внимание женщин. Они сами всегда слетались на меня, как пчелы на мед, словно инстинктивно чувствуя, что я могу дать им то, чего они поистине желают.

Когда-то я пользовался своим магнетизмом не только для того, чтобы до умопомрачения насладиться всем тем, что предлагала мне прекрасная половина человечества, но также тщательно вслушивался в их самые глубинные и развратные мысли, которые они желали воплотить в реальность. Но тогда я был совсем юн и делал это чисто в целях познания тонкостей сексуальной жизни.

Сейчас же, когда я давно уже сыт по горло однообразием женских фантазий, я просто довольтвуюсь их усиленным рвением доставить мне наслаждение.

С тех пор как я стал президентом компании, моя жизнь в основном зиждется именно на работе, поэтому уже давно в свои контрактные любовницы я выбираю лишь тех, кто от моей необычной силы способен больше действовать, а не пугливо теряться как крохотный птенец, случайно выпавший из родного гнездышка.

Меньше страха – больше моего удовольствия – меньше траты времени впустую.

Но никогда прежде я не встречал женщин с такой сильной устойчивостью, что была бы способна не просто уберечь их от сумасшедшего возбуждения и страха, но и позволяла бы им драться и нападать, как делала это маленькая дикарка.

Это просто что-то невообразимое.

Ее непоколебимость и агрессивное сопротивление стали для меня неожиданным сюрпризом, и я до сих пор не могу определить – приятным или не очень? Но то, что невероятно интригующим – это точно.

В тот же вечер я приказал охране отослать копию записей с видеокamer, где удалось немного разглядеть ее лицо, одному из своих спецагентов, который пообещал выяснить ее личность. Прошло уже несколько дней, и пока никаких вестей, но мне плевать – я буду ждать, сколько потребуется, лишь бы встретить еще раз столь редкий экземпляр, который не подвластен моим чарам. Не только ради праздного любопытства, но и для того, чтобы поставить дикарку на место и немного поиграть.

Никто никогда не убегал от меня прежде... И я найду ее, чтобы доходчиво объяснить ей это.

– Так что это за рана? Ты, что ли, со своих боевых искусств перешел на фехтование? – напоминает о своем вопросе Тони, вырывая меня из воспоминаний об интересной незнакомке.

– Если я скажу, ты не поверишь, – издаю смешок.

Да... Приступ смеха также накатил на меня в тот вечер, когда я прокрутил всю ситуацию повторно. А точнее, мое импульсивное и никак не объяснимое желание запихнуть девчонку в свою машину и привезти к себе домой.

– Я весь внимание, – Тони выжидающе смотрит на меня,

но я не успеваю и слова сказать – в кабинете раздается телефонный звон.

– Черт!

Отвечаю на звонок работника из отдела кадров. Я забыл сообщить ему об увольнении Мари. Быстро даю указания о ее расчете и параллельно листаю свой ежедневник, понимая, что мне уже нужно выезжать на еще одну встречу, которую отменить никак не могу.

– Тони, меня в самом деле сейчас ждут в другом месте, но мы обязательно должны встретиться еще раз.

– Конечно, должны и встретимся. Прямо сегодня, – он отталкивается от окна и протягивает мне приглашение. – Жду тебя вечером в клубе.

– Тони, я не смогу сегодня...

– Мать твою, Харт, ты здесь начальник или кто?! Ты что, не можешь хоть раз освободить себе пятничный вечер? – друг перекидывает руку через мою шею. – Ты когда в последний раз расслаблялся как следует? И я не имею в виду твоих контрактных шлюшек.

– Они чем-то хуже твоих, через которых, как ты сам выразился, «каждую ночь проходит нескончаемое количество членов»?

– Забудь, что я говорил! Ты не такой брезгливый, как я, да и всех их еженедельно проверяет врач. Сам понимаешь, контингент у нас необычный, и потому лишние проблемы нам не нужны, – продолжая держаться за меня, Тони торжественно

но взмахивает рукой. – Ты даже не представляешь, что они у нас умеют. Они воплотят все твои самые грязные фантазии и дерзкие мечты. Девчонки у нас что надо. Лучшие профессионалки в Рокфорде, это я тебе гарантирую. Сам лично занимался тщательным отбором, а ты меня знаешь, я к любому делу подхожу серьезно.

От безысходности я запрокидываю голову.

– Повеселимся как следует. Пообщаемся. Как ты сам уже успел осознать, пять лет не виделись. Думаю, у тебя есть что мне рассказать. Да и вообще, сегодня тебя ждет фееричное секс-шоу, поставленное самим Тони Мэрроу. Разве можно такое пропустить?

– Хорошо, хорошо, все! Уговорил. Я буду. Освобожу вечер, – обещаю я, начиная в темпе обдумывать, на какой день перенести все рабочие дела, которые были запланированы на сегодня. И ведь, как назло, именно сейчас мне нужно было остаться без секретаря.

– Точно? А я ведь только начал разогреваться. Мог еще часами уговаривать.

– Не надо. Нет у меня часов. Сказал же, что буду.

– Вот и славно! Я гарантирую нам лучший столик, – Тони победоносно хлопает меня по плечу и отстраняется. – И только посмей обмануть и не прийти. Я тебя из-под земли достану.

– Даже не сомневаюсь.

– Ладно, пошел тогда готовить самых лучших девочек для

тебя. Мне даже будет любопытно посмотреть, как они начнут вгрызаться друг другу в глотки за твое внимание. Они те еще пираньи. За прибыльного клиента готовы любого порвать, – с прищуром выдает Тони, направляясь к выходу.

– Очень многообещающе.

– О, ты даже не представляешь!

– Иди уже, Мэрроу, – отмахиваюсь от него и натягиваю на себя пиджак.

– До встречи в «Атриуме» – в мире плотских грехов и эротических сновидений! – восклицает он напоследок и наконец скрывается за дверью.

Глава 13

Николина

– Нет! Нет! И еще раз нет! – вскипая до предела, Тони мощно бьет по музыкальному центру, в миллионный раз прерывая чувственную композицию. – Да что с вами сегодня происходит, курицы бестолковые?! С утра оставили последние остатки мозгов на подушке? Вы не слышите, что я вам говорю?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.